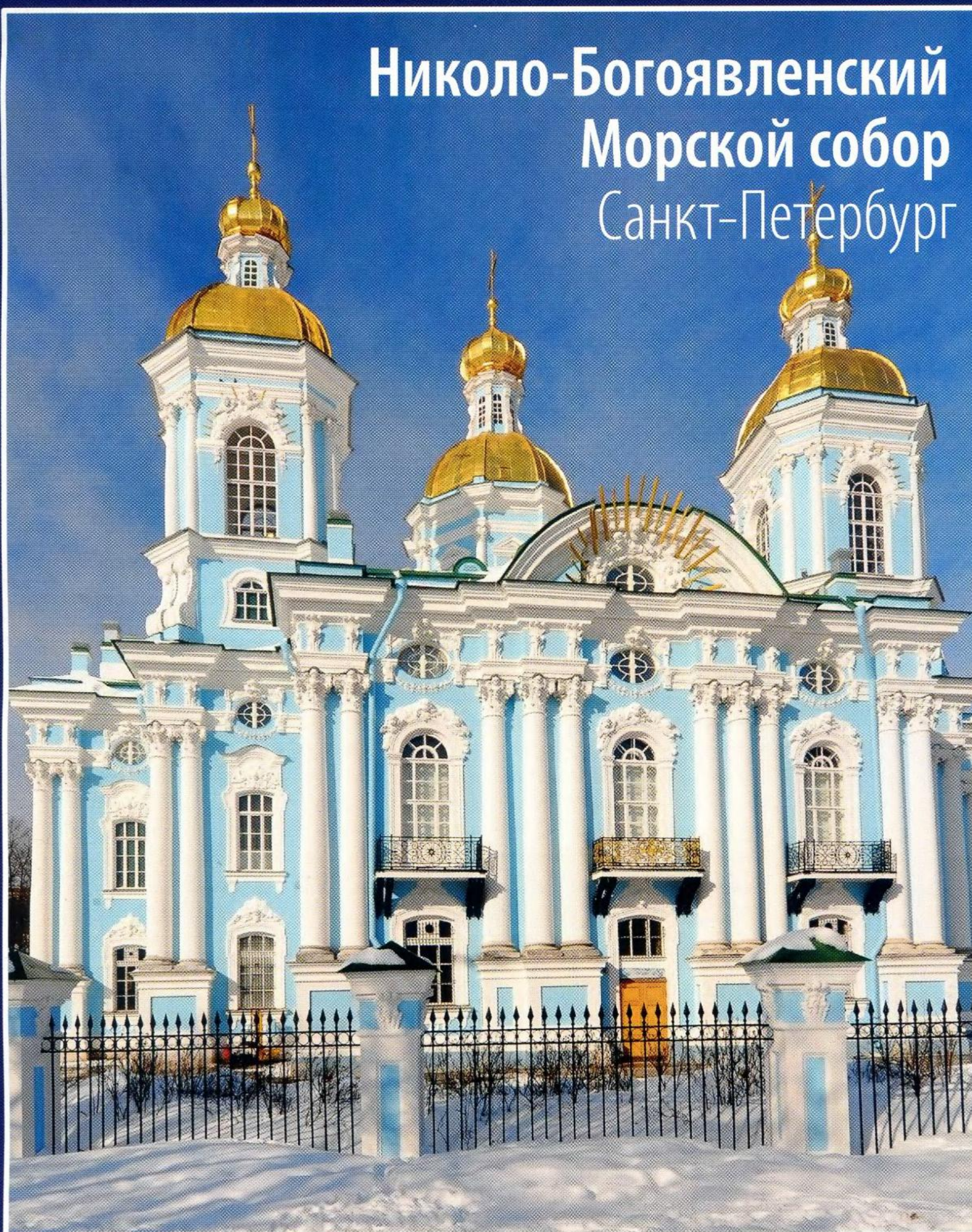
VISIT…

LANZAROTE
Caliente.COM

Православные Храмы

путешествие по святым местам

Николо-Богоявленский Морской собор
Санкт-Петербург

№ 36

Рождение шедевра

За счет Морского ведомства

Облик

Закатные лучи барокко

Окрестности

Коломна и Новая Голландия

Рекомендуемая розничная цена: 69 руб.
Розничная цена: 14,90 грн, 14 900 бел. руб., 290 тенге

Еженедельное издание

Оглавление

Эпоха

При двух императрицах **3**

Рождение шедевра

«В воздаяние достойной памяти...» **4**

Через века

Морской и кафедральный **8**

Святыни

Николай Чудотворец и другие **12**

Облик

«Строить о пяти главах...» **14**

Окрестности

Коломна и около **20**

Судьбы

Митрополит-блокадник **26**

На смерть поэта **28**

Современная жизнь

«Не в бревнах, а в ребрах...» **30**

«Православные храмы.
Путешествие по святым местам»
Выпуск № 36, 2013
Еженедельное издание

РОССИЯ
Издатель, учредитель, редакция:
ООО «Де Агостини», Россия
Юридический адрес: Россия, 105066, г. Москва, ул. Александра Лукьянова, д. 3, стр. 1
Письма читателей по данному адресу не принимаются.

Генеральный директор: Николаос Скилакис
Главный редактор: Анастасия Жаркова
Старший редактор: Дарья Клинг
Фоторедактор: Дарья Соколова
Финансовый директор: Наталия Василенко
Коммерческий директор: Александр Якутов
Менеджер по маркетингу: Михаил Ткачук
Младший менеджер по продукту: Яна Чухиль

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам о коллекции заходите на сайт **www.deagostini.ru**, по остальным вопросам обращайтесь по телефону бесплатной «горячей линии» в России:
8-800-200-02-01
Телефон «горячей линии» для жителей Москвы:
8-495-660-02-02

Адрес для писем читателей:
Россия, 105066, г. Москва, а/я 13, «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам». Пожалуйста, указывайте в письмах свои контактные данные для обратной связи (телефон или e-mail).

Распространение: ООО «Бурда Дистрибьюшен Сервисиз»

Свидетельство о регистрации СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-47591 от 02.12.2011

УКРАИНА
Издатель и учредитель:
ООО «Де Агостини Паблишинг», Украина
Юридический адрес:
01032, Украина, г. Киев, ул. Саксаганского, 119
Генеральный директор: Екатерина Клименко

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам о коллекции заходите на сайт **www.deagostini.ua**, по остальным вопросам обращайтесь по телефону бесплатной «горячей линии» в Украине:
0-800-500-8-40

Адрес для писем читателей:
Украина, 01033, г. Киев, а/я «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам»
Україна, 01033, м. Київ, а/с "Де Агостiнi"

Свидетельство о государственной регистрации печатного СМИ Министерства юстиции Украины КВ № 18402-7202Р от 07.12.2011

БЕЛАРУСЬ
Импортер и дистрибьютор в РБ: ООО «Росчерк», 220037, г. Минск, ул. Авангардная, 48а, литер 8/к
Тел./факс: +375 17 2-999-260

Телефон «горячей линии» в РБ (9:00—21:00 по будням):
+ 375 (17) 279-87-87

Адрес для писем читателей:
Республика Беларусь, 220040, г. Минск, а/я 224, ООО «Росчерк», "Де Агостини", «Православные храмы. Путешествие по святым местам»

КАЗАХСТАН
Распространение: ТОО «КГП «Бурда-Алатау Пресс»

Рекомендуемая розничная цена: 69 руб.
Розничная цена: 14,90 грн, 14900 бел. руб., 290 тенге

Издатель оставляет за собой право увеличить розничную цену выпусков. Издатель оставляет за собой право изменять последовательность номеров и их содержание.

Отпечатано в типографии: ООО «Компания Юнивест Маркетинг», 08500, Украина, Киевская область, г. Фастов, ул. Полиграфическая, 10

Тираж: 300 000 экз.

© ООО «Де Агостини», 2012—2013

Текст: Ксения Толоконникова

ISSN 2304-0068

Дата выхода в России: 14.05.2013

Иллюстрации предоставлены:
Передняя обложка: © Павел Смирнов/Фотобанк Лори; 3: (обе) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 4: © diomedia/SuperStock — Fine Art; 5: (лев.) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва, (прав.) © Иван Кузякин/Фотобанк Лори; 6: (верх) © РИА «Новости», (низ) © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2013/С.В. Суетова, К.В. Синявский, Л.Г. Хейфец; 7: (верх) © Борис Панасюк/Фотобанк Лори, (низ) © Игорь Литвяк/Фотобанк Лори; 8: © Fine Art/EastNews; 9: (верх) © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2013/С.В. Суетова, К.В. Синявский, Л.Г. Хейфец, (низ) © Государственная Третьяковская галерея, Москва; 10: (обе) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 11: © Б. Манушин/РИА «Новости»; 12/13: (все) © Росфото/Николай Максимов/Николо-Богоявленский морской собор, Санкт-Петербург; 14: (обе) © Дмитрий Неумоин/Фотобанк Лори; 15: (все) © Александр Алексеев/Фотобанк Лори; 16/17: © Rosfoto/Profimages; 18: (обе) © Росфото/Николай Максимов/Николо-Богоявленский морской собор, Санкт-Петербург; 19: (верх и низ, лев.) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва, (низ, центр) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 20: © Grafika.ru/Fotodom.ru; 21: (верх, лев.) © Андрей Ижаковский/Фотобанк Лори, (верх, прав. и низ, центр) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва, (низ, прав.) © Виктор Карасев/Фотобанк Лори; 22: (верх и низ, лев.) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва, (низ, прав.) © Александр Алексеев/Фотобанк Лори; 22/23: (на развороте) © Полина Корчагина/Фотобанк Лори; 23: (верх и центр) © Всеволод Тарасевич/РИА «Новости», (низ) © Сергей Компанийченко/РИА «Новости»; 24: (верх) © Александр Щепин/Фотобанк Лори, (центр) © Руслан Шамуков/Агентство «Фото ИТАР-ТАСС»; 25: (верх, лев.) © Anna/Фотобанк Лори, (верх, прав.) © Андрей Кекяляйнен/Фотобанк Лори, (низ) © Александр Алексеев/Фотобанк Лори; 26: © РИА «Новости»; 27: (верх) © Агентство «Фото ИТАР-ТАСС», (низ) © Александр Алексеев/Фотобанк Лори; 28: (лев.) © РИА «Новости», (прав.) © Fine Art/EastNews; 29: © Борис Рябинин/РИА «Новости»; 30: (обе) © Петр Ковалев/Агентство «Фото ИТАР-ТАСС»; 31: (верх) © С.А. Рубис, (низ) © Александр Раубе/Агентство «Фото ИТАР-ТАСС».

Уважаемые читатели! Для вашего удобства рекомендуем приобретать выпуски в одном и том же киоске и заранее сообщать продавцу о вашем желании покупать следующие выпуски коллекции.

При двух императрицах

Николо-Богоявленский собор строился в последние годы царствования императрицы Елизаветы и по стилю всецело принадлежит елизаветинскому барокко. Но свой высокий статус — главного Морского собора Российской империи — он получил уже при Екатерине II.

Вид на Никольский собор со стороны Никольского сквера.

Алексей Константинович Толстой в своей печально-иронической «Истории государства Российского» писал об императрице Елизавете Петровне: «Веселая царица была Елисавет...» Что было, то было — из песни слова не выкинешь. Гардероб в 15 тысяч платьев, бесконечные балы и «метаморфозы» (дамы рядились в мужские костюмы, а мужчины — в женские), выезды на охоту, череда фаворитов... Веселая. Но и (как ни странно) — набожная. И (еще страннее) — просветительница. Впрочем, странно это лишь на первый взгляд.

Истовую богомольность, любовь к посещению монастырей, к церковному благолепию Елизавета восприняла от Москвы. В конце концов, она родилась и много времени провела в первопрестольной, в городе «сорока сороков». А что касается первых значительных шагов к просвещению, которые Россия сделала именно при ней, никакого систематического образования не получившей, то тут уж, как говорится, время пришло. В Москве и Казани открываются с разницей в год (в 1754-м и 1755-м соответственно) первые гимназии, расширяется сеть начальных школ, в Санкт-Петербурге появляется Академия художеств (1757). Но наиболее памятное «образовательное» событие елизаветинской поры — основание в 1755 году Московского университета.

Старое здание Московского университета. Дореволюционное изображение.

Таков исторический контекст, в котором строилась Никольская Морская церковь. Да, строилась она именно как приходская церковь. Собором же сделалась уже при Екатерине II, когда исторические декорации менялись на глазах. Искренней богомолкой Екатерина Великая не была и уже вскоре после своего воцарения, едва почувствовав под ногами твердую почву, взяла курс на утеснение и все большее огосударствление Церкви. Но ее (Церкви) значение — хотя бы только внешнее — в жизни народа императрица понимала хорошо. Что и доказала приданием Никольскому храму нового статуса.

События эпохи

1752 Елизавета Петровна подписывает указ о постройке Никольского Морского собора.
1753 Начато строительство Никольского Морского собора.
1754 В России отменены внутренние таможенные пошлины.
1755 Во Франции родился будущий король Людовик XVIII. Основан Московский университет.
1756–1762 Семилетняя война: Россия, Франция, Австрия, Испания, Саксония, Швеция против Великобритании, Пруссии и Португалии.
1757 Учреждена Российская Императорская Академия художеств.
1760 Русские войска занимают Берлин. Освящение нижнего храма Николо-Богоявленского собора.
1761 Смерть императрицы Елизаветы Петровны (25 декабря по старому стилю).
1762 В результате дворцового переворота свергнут Петр III, правивший всего несколько месяцев. На престол восходит Екатерина II. Освящен верхний храм Никольского Морского собора.
1764 Манифест о секуляризации церковных земель.

«В воздаяние достойной памяти...»

Никольский храм, строившийся в 1752—1762 годах для служителей Военно-морского ведомства, должен был стать обычной — разве что богаче прочих украшенной — приходской церковью. Но императрица Екатерина постановила именовать его Морским собором, тем самым утвердив его особое значение для всего русского флота.

Портрет императрицы Елизаветы Петровны кисти неизвестного мастера.

Местность, над которой доминирует ныне Никольский Морской собор, издавна (то есть с момента основания Петербурга) была заселена служителями Военно-морского ведомства. Окормлялись они в деревянном храме, освященном во имя Николая Чудотворца, всегда сугубо почитаемого моряками.

В 1752 году, при императрице Елизавете Петровне, решено было построить здесь новый каменный храм — «в воздаяние достойной памяти славных дел флота Российского». Соответствующий указ государыня подписала 16 июня. Проект будущей церкви составил Савва Иванович Чевакинский. Довольно быстро подготовили и смету, согласно которой основные средства обязалось предоставить Морское ведомство, а недостачу, буде она случится, предполагалось покрыть доброхотными сборами.

Однако тем же летом к постройке приступить не удалось за недостатком материалов, а осенью случилось сильное наводнение. Вода залила, в частности, и площадь, предназначенную для строительства храма. И Адмиралтейств-коллегия обеспокоилась участью будущего здания. «Означенную церковь, — постановила она, — для спасения впредь от подобных вод и чтобы в нижнем апартаменте пола водою не поднимало, и вода в церковь не входила, поднять выше на три аршина (то есть на два с небольшим метра. — *Прим. ред.*) сверх положенной на чертеже меры».

Архитектор согласился с доводами коллегии, но предложил также увеличить и ширину храма. Коллегия его предложение приняла: «Понеже по регулам архитектурии всякое публичное и знатное здание требует пропорции и красоты, то необходимо, чтобы сравнительно с прибавкою высоты прибавить и широты, дабы церковь не могла выказывать себя особенно высокою».

Именно в таком — несколько увеличенном — виде план собора был принят к исполнению.

Рубли и аршины

Строительные работы начались в конце весны — начале лета 1753 года. К 11 июня уже забили 471 сваю под фундамент, а к 7 июля — еще 790. Пора было совершать «официальную закладку» храма, для чего Морское ведомство решило призвать архиепископа Санкт-Петербургского Сильвестра (Кулебяку; †1761). Любопытная деталь: владыке «в презент за труды» предполагалось поднести «на рясу грезету или люстрину черного 17 аршин». Что и было сделано 15 июля, тотчас по совершении закладки. Отчетный документ гласит: «Презент его преосвященству 17 аршин люстрину в лавке купца Саввы Яковлева по 2 руб. за аршин куплен и архиерею отдан».

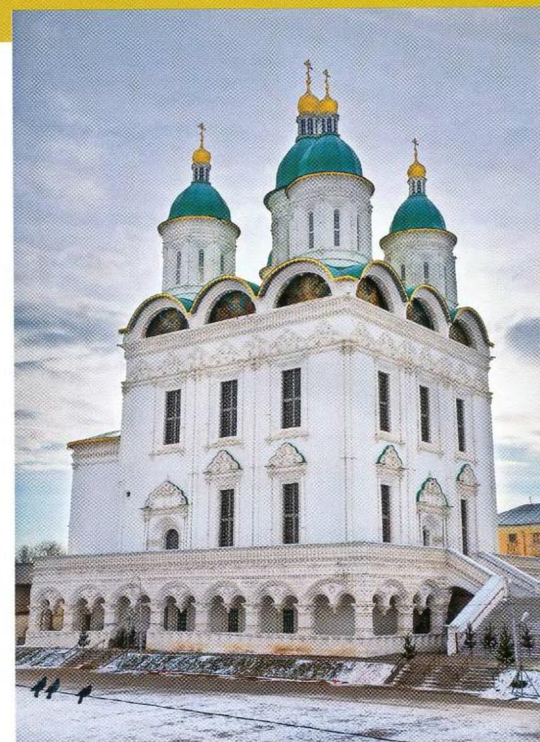
Строительство церкви двигалось быстро. К августу 1753 года уже было положено 700 погонных саженей (около 1 500 метров) цоколя, к концу лета 1754 года завершили кладку первого этажа, в течение осени того же года возвели второй. Тут дело застопорилось: ржевский купец Сила Еремеев, подрядившийся доставить базы из дикого камня для наружных колонн, не исполнил подряда к сроку, так как корабль его разбился в море.

Архиепископ Санкт-Петербургский Сильвестр. Данный портрет является копией с известной картины А. П. Антропова.

Тем не менее в 1756 году начались работы по устройству кровли и глав храма. Здесь тоже не обошлось без затруднений. Для куполов требовались железные стропила, и Чевакинский лично отправился в Тулу, чтобы договориться с местными «железоделателями». Но мастера от подряда отказывались, смущенные «огромностию» его. Тогда решено было исполнить работу поденщиной, «купив нужное количество железа, по 60 коп. за пуд, у гг. Демидовых».

В итоге центральный купол доставили в Петербург летом 1757 года, а остальные — лишь в 1758 году. В следующем году их водрузили на свои места и приступили к золочению, оконченному к 1 августа 1760 года. На него пошло, согласно докладу архитектора, «9 388 р. 5 коп.». И такая цена, предложенная неким мастером Сарычевым, оказалась еще гораздо выгоднее предложенных ранее «цен швейцарца Имгофа на 4 045 руб. и рижского уроженца Брауншвейга на 2 686 руб.»! Приняв это во внимание, Адмиралтейская коллегия постановила наградить «русского самородка». Ему выдали, сверх означенной в договоре суммы, 400 рублей.

Астраханский Успенский собор, в некоторой степени послуживший образцом для Никольского Морского храма. Рассказывают, что еще Петр I пленился им, назвав его «лепотным».

Отделочные работы

Одновременно с Никольским храмом возводилась и его колокольня. Строительство шло в 1756—1758 годах. Тогда же на колокольне установили и часы с курантами. Еще ранее, в 1755 году, когда стены храма только-только подвели под крышу, начались внутренние отделочные работы.

Эскизы иконостасов для верхнего и нижнего храмов создал сам Чевакинский и составил список необходимых образов. Писали их небезызвестные братья Колокольниковы, расписывавшие, в частности, придворные храмы и иные дворцовые помещения. Иконы для верхнего храма писал Федот Колокольников, для нижнего — Мина. Что касается резных рам иконостасов, то их исполнила артель своих же — адмиралтейских — резчиков во главе с Игнатием Канаевым. В середине 1760 года

Савва Иванович Чевакинский (ок. 1713 — ок. 1783)

Автор Никольского Морского собора происходил из дворянской семьи и в деятельную жизнь вступил в качестве военного. Но затем, в силу житейских обстоятельств, пошел учеником в архитектурную «команду» И. К. Коробова, известного, главным образом, как строителя второго здания Адмиралтейства. Впоследствии Чевакинский и сам пестовал молодых архитекторов: под его началом проходили практику В. И. Баженов и И. Е. Старов.

Николо-Богоявленский собор — известнейшее творение Чевакинского, созданное им в его бытность главным архитектором Адмиралтейств-коллегии. Кроме того, зодчий работал в Царском Селе, на острове Новая Голландия, подготовил план застройки Кронштадта. В 1767 году, когда барокко окончательно вышло из «фавора», он подал в отставку и уехал в свое имение. На этом документальные сведения о нем обрываются, так что и точный год смерти его неизвестен.

◀ *Здание Николо-Богоявленского собора стало архитектурной доминантой всей прилегающей местности и определило ее последующую градостроительную судьбу. Уже в 1761 году вышел указ: «Между речками Мойкою и Фонтанкою строить каменное строение, а деревянному не быть».*

иконостасы уже поставили и снабдили образами.

При Екатерине

Освящение нижнего храма с центральным престолом во имя святителя Николая и придельным во имя Иоанна Предтечи совершилось 5 декабря 1760 года, то есть еще при жизни императрицы Елизаветы Петровны. Но до освящения верхнего, Богоявленского, храма (оно состоялось 20 июля 1762 года) монархиня не дожила. За столь короткий срок в государстве успели произойти большие перемены — началось и кончилось царствование Петра III, на престол взошла (но еще не была коронована) Екатерина II.

Она-то и возвысила статус новоосвященного храма, повелев именовать его Морским собором. Действительно, в ранге обычной приходской церкви Никольскому храму было «тесновато». Размерами и роскошеством убранства его мог затмить в то время лишь Петропавловский собор. А к тому же Екатерина, имевшая осмысленные имперские амбиции, положила поднять значение русского флота, пришедшего в упадок при ее предшественницах — Анне Иоанновне и Елизавете Петровне. И появление в Петербурге не просто нового приходского Никольского храма, но Морского собора было как нельзя более созвучно ее устремлениям.

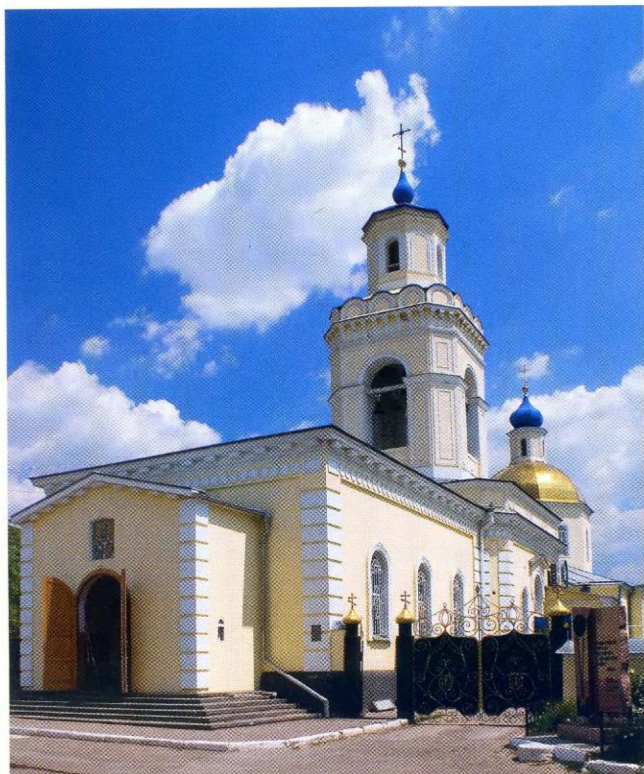
Государыня сочла возможным лично присутствовать на освящении Богоявленского храма и левого нижнего (Димитриевского) придела. Освящал же храм архиепископ Санкт-Петербургский Вениамин (Пуцек-Григорович; †1785), и это было едва ли не последнее деяние, которое он совершил в Петербурге.

Екатерина II не жаловала малороссов, к моменту ее воцарения фактически имевших монополию на высшие посты в церковной иерархии, и в конце июля 1762 года архиепископ Вениамин вынужденно (хотя как бы по собственному желанию) отправился в Казань. Отметим к слову, что, согласно сохранившимся воспоминаниям современников, он был «нравом чистосердечен, незлобив, строг с милостию, благочестив, к трудам звания своего охотен, щедр, наук и ученых людей любитель, в защищении своих подчиненных и прочих бедных старателен, обходителен, гостеприимен, во всем подлости не терпящий, — словом, всеми приличными сану его свойствами одарен». И, таким образом, перемещение владыки явилось следствием именно екатерининской политики, а вовсе не каких-то его прегрешений.

▲ *Фарфоровый бюст императрицы Екатерины II, изготовленный в первой половине XIX века на Императорском фарфоровом заводе по мраморному оригиналу Ф. И. Шубина.*

Морские храмы

◀ *Никольская церковь в Таганроге.*

В XVIII ВЕКЕ Россия опробовала новое для себя поприще морской державы и уже вскоре довольно громко заявила о себе на нем. Победа над шведами у мыса Гангут 27 июля 1714 года стала первой морской победой отечественного флота.

Для русской жизни того времени была характерна сословность и зависимость от принадлежности к тому или иному «цеху». Modus vivendi в гораздо большей степени, чем теперь, диктовался родом деятельности. Селились «коллеги» тоже в непосредственной близости друг от друга (что хорошо отражено в топонимике старых городов, где улицы и целые районы носят «профессиональные» названия). И, естественно, ходили в одни и те же храмы.

Особый цех составили и моряки, а также кораблестроители, и в городах, так или иначе связанных с флотом, появились «морские» храмы. Они были в Петербурге, Кронштадте, Севастополе, Таганроге, Херсоне и других приморских городах. Строились они обыкновенно на казенный счет, но поступали и частные пожертвования.

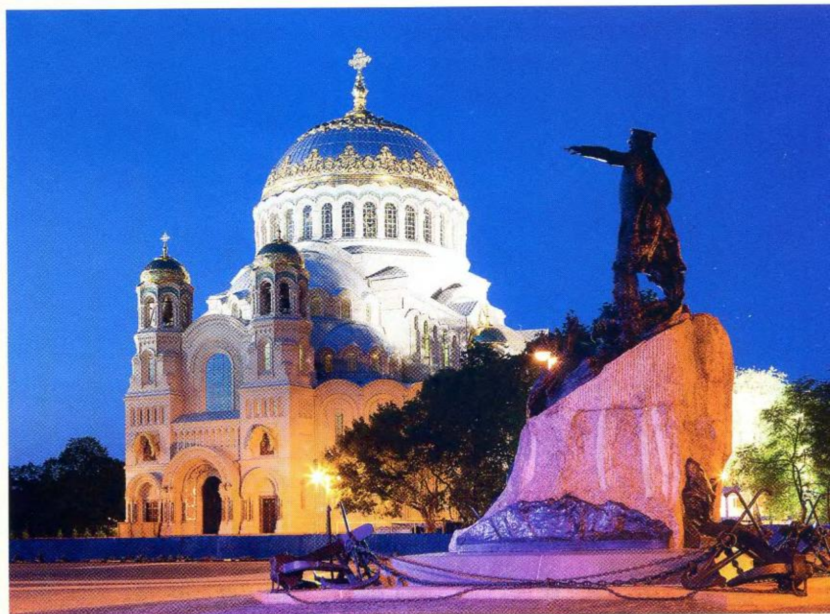
Например, в Таганроге храм в «морских кварталах» — разумеется, во имя святителя Николая — вырос благодаря ходатайству контр-адмирала Ф. А. Клокачева. Для церкви, освященной в 1778 году, выбрали, как говорилось, то самое место, где разбил некогда свою палатку Петр I (что тоже символично: именно Петр явился родоначальником русского флота). Строился храм руками казенных рабочих и из казенных же материалов, а необходимые денежные средства предоставили судовладельцы.

Известнейшим морским храмом — наряду с Никольским Морским собором в Петербурге — является Николаевский Морской собор в Кронштадте. Вопрос о его строительстве поднимался еще в 1830-е годы, но, несмотря на то, что с соответствующими ходатайствами выступали высшие чины флота, благополучного разрешения он не получал. Только в 1897 году прошение вице-адмирала Н. И. Казнакова, поданное на высочайшее имя, было удовлетворено. Вскоре образовался комитет для сбора пожертвований на собор, долженствовавший стать своего рода памятником всем погибшим морякам. Пожертвованиями, однако, удалось покрыть лишь седьмую часть строительных расходов; остальное оплатила казна.

Собор освятили в 1913 году. Выстроенный в византийском стиле (по проекту В. А. Косякова), он стал важной архитектурно-смысловой доминантой Кронштадта. «Мемориальность» собора подчеркивали мраморные доски, установленные в нем в память о погибших: черные — с именами моряков, белые — с именами священнослужителей флота. После 1929 года, когда собор закрыли, переоборудовав его в кинотеатр, этим мраморным синодикам нашли утилитарное применение — из них, например, получились хорошие сиденья для городской бани...

В последние годы была произведена реставрация Николаевского собора, в нем вновь проводятся богослужения.

▼ *Морской собор святителя Николая Чудотворца, Кронштадт. Стоимость постройки собора составила почти два миллиона тогдашних рублей.*

Морской и кафедральный

Значение Никольского Морского собора в жизни Петербурга всегда было велико. Храм, где отмечались победы русского флота, где молились о погибших моряках, являлся одновременно приходским для большого числа окрестных жителей. Но еще более важную роль он играл в советские десятилетия, сделавшись после закрытия большинства ленинградских церквей кафедральным собором.

Эпоха Екатерины II гремела морскими победами. И эхо этих побед звучно отдавалось под сводами Николо-Богоявленского собора.

28 мая 1770 года здесь в присутствии императрицы был отслужен благодарственный молебен по случаю первых успехов русского флота в Архипелаге, а уже через месяц в соборе праздновалась Чесменская виктория — полное уничтожение турецкого флота русской эскадрой под командованием Ф. Ф. Ушакова. Торжественное богослужение имело начаться в 8 утра, но уже задолго до этого часа близ собора выстроились в шеренги кадеты и гардемарины. Мимо них въезжали в церковную ограду роскошные кареты сановных богомольцев. Ждали императрицу — и она не замедлила прибыть. За нею следовал великий князь Павел Петрович, свита, высшие военно-морские чины.

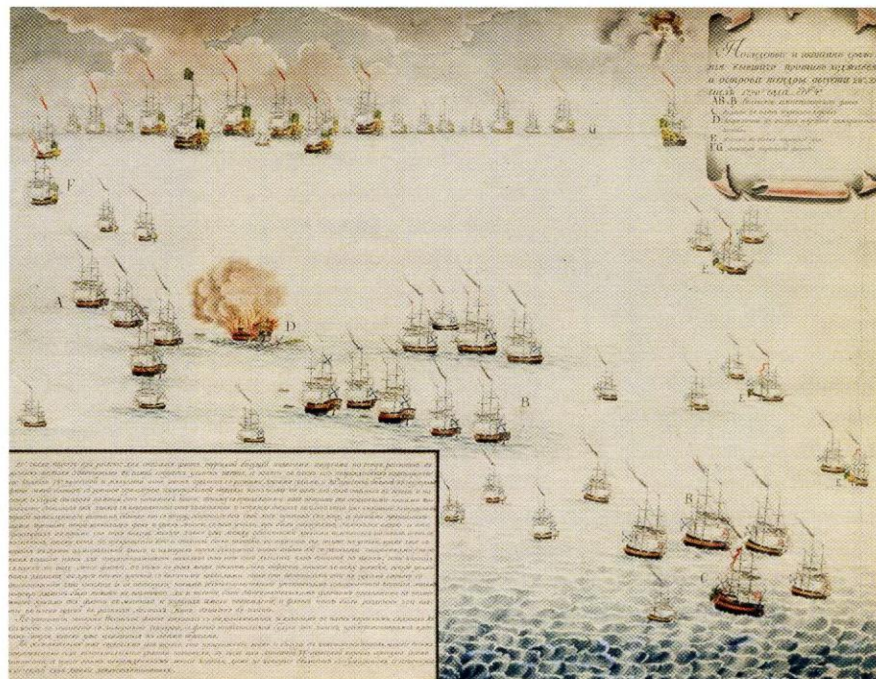
После литургии служили молебен, а затем был дан салют. Отныне 24 июня каждого года в Никольском соборе вспоминали архиерейской службой победу при Чесме.

Осталась в соборе и «материальная» память о морских триумфах России. В течение 1770—1790-х годов Екатерина II пожаловал собору 10 икон в золотых ризах. Каждая икона изображала святого, в день памяти которого была одержана та или иная крупная победа. Иконы поместили в двух киотах (по пять в каждом).

Приходские традиции

Конечно, бытование собора не исчерпывалось военно-морскими торжествами. С особым благолепием здесь отмечались престольные праздники, а также дни, значимые для жителей округи. К концу XIX века в Никольском соборе сложились определенные традиции.

▼ *Изящно-суховатая акварель А. Н. Депальдо «Сражение при Тендре 28—29 августа 1790 года». В честь этой победы нашего флота был также отслужен благодарственный молебен в Никольском Морском соборе.*

▲ *Николо-Богоявленский собор на раскрашенной литографии Ф.-В. Перро. 1841 год.*

В день святых первоверховных апостолов Петра и Павла (29 июля по старому стилю) причт и прихожане храма участвовали в крестном ходе в память об избавлении Петербурга от холеры в 1848 году. В десятое воскресение по Пасхе крестный ход шел из Никольского собора к расположенному по соседству Литовскому рынку. 1 августа по старому стилю, когда празднуется Происхождение Честных Древ Животворящего Креста Господня, духовенство собора в присутствии многочисленных богомольцев совершало водоосвящение на Крюковом канале. А 23 января, в день памяти прп. Геннадия Костромского, на молебен в Никольский собор приходили костромичи, жившие в Петербурге.

«Призревалось 27 старушек...»

Социальный состав прихожан собора уже во второй половине XIX столетия был весьма пестр, о чем наглядно

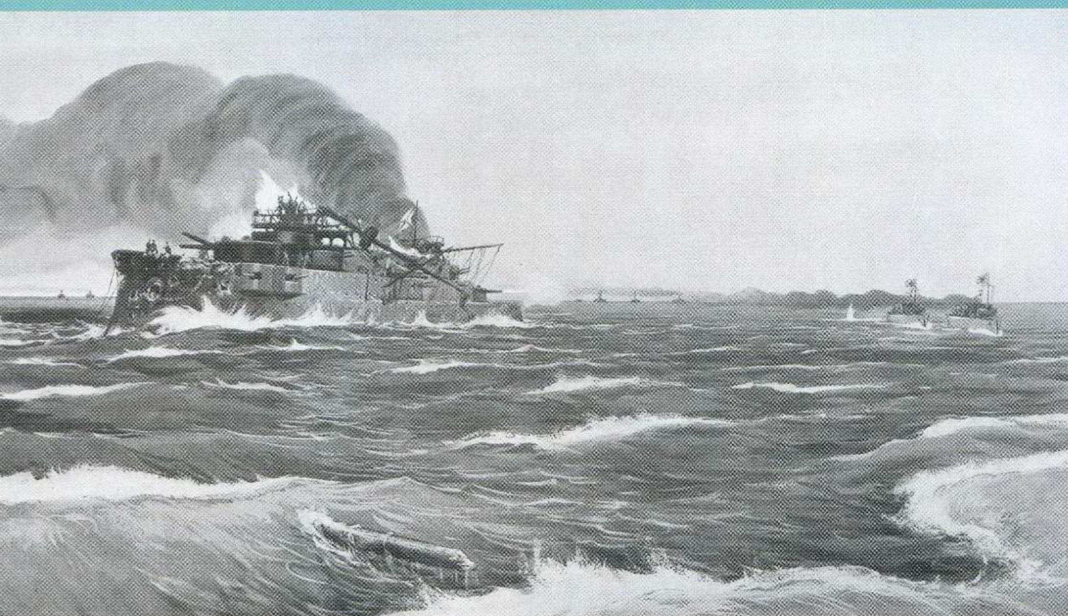
«Перед исповедью»

Картина «Перед исповедью» (1877) принадлежит кисти известного художника-жанриста Алексея Ивановича Корзухина (1835—1894). Будучи членом-учредителем Товарищества передвижных художественных выставок и Артели художников он, однако, несколько дистанцировался от деятельности Товарищества и участия в его выставках не принимал.

Тем не менее работы Корзухина вполне соответствуют передвижнической идеологии. Это преимущественно картины-новеллы из простонародного быта, который художник — сам выходец из социальных низов — знал весьма хорошо. Кроме жанров (известнейшие среди них — «Возвращение отца семейства с ярмарки» (1868), «Возвращение из города» (1870), «В монастырской гостинице» (1880)), в творчестве художника можно найти немало работ для церквей. Он участвовал в живописном оформлении храма Христа Спасителя, росписи елецкого Вознесенского собора и т. д. Очевидно, такие картины, как «Перед исповедью» и «В монастырской гостинице», во многом навеяны впечатлениями, полученными Корзухиным в процессе работы над церковными заказами.

На картине «Перед исповедью» Корзухин запечатлел интерьер нижнего храма Никольского Морского собора.

▲ *Эпизод Цусимского сражения.*

свидетельствует картина Корзухина «Перед исповедью». Среди исповедников, ожидающих на ней своей очереди к аналою (он скрыт за ширмой), можно увидеть и старушку-салопницу, и купчиху в богатой шали, и мальчиков в каких-то простонародных зипунишках, и даму в изящной шляпке. Обеспеченность и даже некоторый лоск соседствуют с едва прикрытым убожеством.

И в свете подобных визуальных впечатлений ничуть не удивляет сообщение изданной в конце XIX века книги «Святыни Санкт-Петербургской епархии» о том, что «в 1870 году при Морском Николаевском Богоявленском соборе основано „Общество вспоможения приходским бедным"». Конечно, это был совершенно естественный и необходимый шаг.

«Общество это, — рассказывает та же книга, — содержит детский приют, основанный 15 мая 1871 г.; попечительницей приюта состоит жена генерал-майора Екатерина Николаевна Феодосьева. Надзирательницей приюта состоит И. В. Карамышева; в богадельне, основанной 22 октября 1873 г., в отчетном году призревалось 27 старушек; попечительницей богадельни состоит вдова тайн. сов. Мария Оттоновна Капканщикова; кроме того, общество помогает бедным женщинам своего прихода постоянными и единовременными денежными выплатами».

Цусимский обелиск

Начало XX века столь же памятно России тяжелейшими морскими поражениями, как конец XVIII века — победами. И, разумеется, Никольский собор не мог остаться в стороне от скорбных вестей, поступавших с дальневосточного театра военных действий. Постоянно перед главной святыней собора — чудотворной иконой свт. Николая — горели десятки свечей: люди молились о родственниках, «посланных в службу».

16 мая 1905 года в Петербург стали приходить пугающие, но в силу своей противоречивости еще не безнадежные известия о неудачном бое нашего флота с японским в Цусимском проливе. Лишь к 19 мая составилась полная — и безрадостная — картина Цусимского боя, в котором погибли практически весь русский Тихоокеанский флот и Балтийская эскадра, пришедшая к нему на помощь. Николай II писал в дневнике: «Теперь окончательно подтвердились ужасные известия о гибели почти всей эскадры в двухдневном бою... День стоял дивный, что прибавляло еще больше грусти на душе».

Среди погибших кораблей был эскадренный броненосец «Император Александр III». Из его команды (око-

«Храни тебя Господь!»

Это было время, когда нам, верующим людям, позволено было чуть-чуть посвободнее дышать.

Щедрость и милость вождя временами переходила границы вероятного. Был, например, объявлен приказ по Советской Армии, разрешающий военнослужащим, заявившим о желании посещать церковные службы, делать это «в коллективном порядке». В 1944 году в Ленинграде, в нижнем храме Никольского Морского собора, я своими глазами видел, как за всенощной человек двадцать-тридцать солдат и офицеров стояли в строю, двумя шеренгами, и молились. По окончании службы, когда старик-священник вышел с крестом в руке на амвон и молящиеся, как всегда, хлынули прикладываться, седовласый батюшка отвел в сторону крест и громко сказал:

— В первую очередь военные!

И вот — капитаны, лейтенанты, ефрейторы и рядовые — в серых непарадных фронтовых шинелях, прижимая к левой стороне груди свои полевые фуражки и ушанки, — двинулись к амвону. И каждому, когда он целовал крест, батюшка истово, по-отцовски, по-дедовски говорил:

— Храни тебя Господь!

Л. Пантелеев. Из автобиографической повести «Верую!»

▼ *Цусимский обелиск в сквере у Никольского Морского собора.*

ло 900 человек), полностью укомплектованной из чинов Гвардейского экипажа, не спасся никто.

Уже на одном из первых «послецусимских» собраний офицеров Гвардейского экипажа было принято решение об увековечении памяти погибших товарищей. Объявили сбор средств на памятник. И 14 мая 1908 года в сквере Морского собора в присутствии всего Экипажа, вдовствующей императрицы Марии Федоровны (она шефствовала над морскими гвардейцами) и родственников погибших открылся Цусимский обелиск работы скульптора А. Обера и архитектора Я. Филотея. С четырех сторон на памятнике были укреплены доски с именами павших в бою (в том числе — нижних чинов). В советское время доски содрали и восстановили только к 1979 году, однако уже без подробного перечисления погибших.

Незакрытый

Советская эпоха принесла много бедствий Николо-Богоявленскому собору. Ничто не обошло его стороной — ни реквизиции «в пользу голодающих», ни временное «обновленческое пленение», ни запрет на колокольный звон, ни аресты среди клира и активных прихожан. Однако он все-таки остался действующим, а в 1941 году, перед самой войной, когда на всю Ленинградскую епархию остался 21 храм, даже сделался кафедральным.

Число его прихожан в годы гонений выросло весьма значительно — всё из-за массового закрытия ленинградских церквей. И по-прежнему был пестр их состав — от потомственных интеллигентов и морских офицеров из «бывших», с кем не успели расправиться большевики, до самых простых и смиренных бабушек в платочках. Интересные цифры: по состоянию на 1937 год в соборе расходовалось ежемесячно в среднем 125 килограммов свечей и 7715 штук просфор.

В годы войны правительство несколько ослабило идеологическое давление на Церковь. В памяти верующих, переживших советскую эпоху, 1940—1950-е годы остались временем, когда в храм можно было ходить «почти» без опаски.

«Передышка» продолжалась до 1958 года, когда нахлынула новая волна гонений, названных «хрущевскими». Никольский собор не закрыли и тогда, но существовал он в очень стесненных обстоятельствах. Например, произвести внутренний ремонт ему не давали, его штаты сокращали, а священники не должны были показываться за дверями собора в облачении. Крестный ход разрешали проводить только один раз в год — на Пасху (и только без народа).

По существу, ситуация изменилась к лучшему лишь в самые последние годы советской власти, в преддверии празднования тысячелетия Крещения Руси.

Пасхальное богослужение в Николо-Богоявленском кафедральном соборе. 1966 год.

Николай Чудотворец и другие

Наверное, каждый верующий или «сочувствующий» житель Петербурга (а равно и благочестивый путешественник) хотя бы раз бывал в Никольском соборе и молился перед его главной иконой — Николая Чудотворца. Другие святыни собора не столь известны широкой православной публике, а между тем и о них можно многое рассказать.

На протяжении веков главной святыней Никольского собора является образ святителя Николая, стоящий в нижнем (то есть собственно Никольском) храме у левого клироса. Особого внимания икона удостоилась уже от составителей книги «Святыни Санкт-Петербургской епархии», которую мы цитировали в предыдущем разделе: «Храмовая икона св. Николая Чудотворца на липовой доске; икона чисто греческого письма, писана яичными красками (то есть темперой. — *Прим. ред.*) и замечательна по своей дав-

Икона святителя Николая греческого письма — главная святыня Никольского Морского собора на всем протяжении его существования.

ности; художники дают ей не менее 250 лет».

В XX веке поток богомольцев к иконе святителя не иссякал. А в страшные 1920—1940-е годы молитвы перед ней были особенно горячи. Человеческая беда сгустилась кругом — как тьма, как какой-то смертоносный газ. Кого-то арестовали (и тогда в записках, подаваемых о здравии, появлялся эвфемизм — «о скорбящем рабе Божием»; писать слово «заключенный» запрещалось). Кого-то выслали, «дали минус». Потом началась война и блокада. И куда нести свое горе, к кому падать в ноги

▲ Медальон с частицей мощей свт. Николая.

с мольбой о помощи? К Николе, издавна любимому, «скоропослушливому», как называли его.

Идут к этой иконе и сейчас. А по средам в соборе служится молебен Николаю Чудотворцу.

328 килограммов серебра

До революции в Николо-Богоявленском соборе находилось много икон и драгоценных предметов церковной утвари, пожертвованных видными деятелями империи, в том числе — представителями августейшей фамилии. Среди этих драгоценностей в дореволюционных описаниях собора упоминаются «золотосеребряный потир и золотая лжица», «лампадка серебряная, вызолоченная, грушеобразной формы», «подсвечник серебряный» и т. д. Словом, если пользоваться музейной терминологией, «коллекция» была собрана богатейшая.

Конечно, ценности Николо-Богоявленского собора не могли не заинтересовать новую власть. Уже в 1919 году храм ревизовали представители горотдела по охране памятников искусства и старины, взяв его в свое «научное и художественное ведение».

В 1922 году особая комиссия составила список предметов, не подлежащих конфискации из Никольского собора в силу их высокой художественно-исторической ценности. Тем не менее и на долю «конфискаторов», явившихся в собор буквально через несколько дней, осталось немало. Одного только серебра изъяли 328 килограммов. Часть утвари прихожане сумели выкупить у государства, внеся равное по весу количество серебра.

К слову, изъятие ценностей из Никольского собора происходило без особенных происшествий, благодаря чему никого из причта не смогли арестовать по делу митрополита Вениамина (Казанского; 1873—1922), о котором мы рассказывали в одном из предыдущих «петербургских» выпусков.

Икона в память о Чайковском

Реквизиции ценностей из собора продолжились и в последующие годы. С осени 1923-го по середину января 1924 года в Государственный музейный фонд из храма поступили 33 предмета. Некоторые из них были уникальны. Это прежде всего Евангелия в серебряных окладах 1747 и 1759 годов, три Тихвинские иконы Божией Матери в серебряных окладах (все — XVIII века), Владимирская икона Божией Матери в серебряной ризе (1777), комплект серебряных богослужебных сосудов (1760).

Впрочем, святыни в эту пору не только покидали собор. Некоторые приходили. Храмы закрывались, и их имуществу, не имевшему музейной или «продажной» ценности, государство с легкостью попускало «оседать» в других церквах.

▲ Рака с частью мощей свт. Феодосия Черниговского. Возвращая некоторые святыни Церкви после войны, государство как был «платило» ей за патриотизм и лояльность, проявленные в трудные годы.

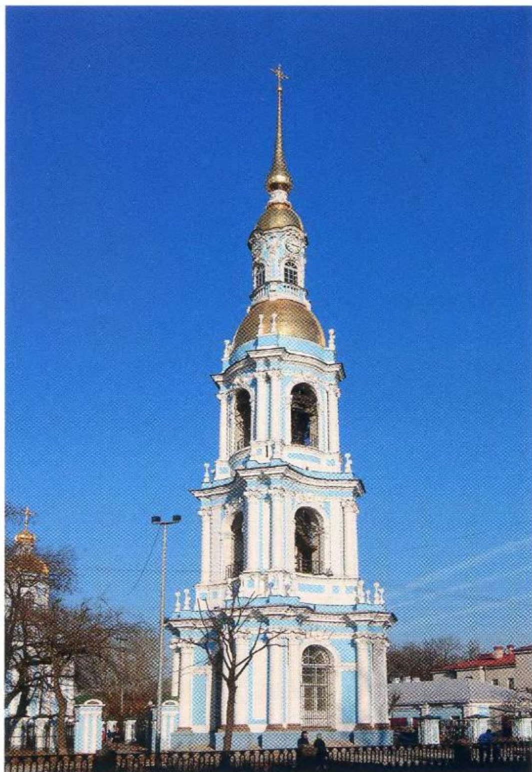
В 1925 году, после закрытия Богородице-Рождественской церкви при консерватории в Никольский собор поступили девять икон. В их числе находился образ апостола Петра, написанный в память о П. И. Чайковском. В 1933 году из храма петербургского Старо-Афонского подворья в собор «переехал» саркофаг-мощевик красного дерева, происходящий из Пантелеимоновского монастыря Святой Горы Афон. Список этот вполне можно продолжить.

Возвращение

После войны маятник партийной идеологии качнулся в сторону Церкви. Государство решило милостиво поощрить верующих за проявленный ими в трудные годы патриотизм (в случае с Никольским Морским собором патриотизм имел вполне вещественное содержание, выразившееся в 4 703 598 рублях, собранных его прихожанами на военные нужды; больше «сдал» государству только московский Елоховский собор). В 1947 году Никольскому храму вернули собрание икон, хранившихся в фондах Антирелигиозного музея. А еще в 1946 году это же заведение возвратило Церкви мощи свт. Феодосия Черниговского. С мая по сентябрь они находились в Николо-Богоявленском соборе, а затем были доставлены в Чернигов, к своему изначальному местонахождению. В Никольском же соборе осталась деревянная гробница с частью мощей святителя, благодаря чему сейчас существует традиция раз в две недели по четвергам служить акафист свт. Феодосию.

«Строить о пяти главах...»

Снаружи

В «Святынях Санкт-Петербургской епархии» о колокольне Николо-Богоявленского собора говорится с тяжеловесной изысканностью: «Главным отличительным характером этого здания — фигурность в работах, происходящая, главным образом, оттого, что здание это, постепенно с каждым ярусом суживаясь и утончаясь, образовавшимися через это уступами составляет как бы несколько отдельных, поставленных одна на другую, фигур».

Никольский Морской собор — удивительный памятник елизаветинского барокко. В любви к нему расписались многие историки искусства, художники и архитекторы. Так, Александр Николаевич Бенуа, с младенчества видевший Никольский собор из окна своего дома, вспоминал: «Надо всем господствовала сверкающая золотыми куполами Никольская церковь. Она была одним из самых роскошных и самых внушительных среди петербургских храмов... В многоугольном плане его (собора. — *Прим. ред.*) стен, в кудрявых капителях, в бесчисленных херувимах, которые барахтаются в пухлых облаках над окнами и дверями, в узорчатых, частью позолоченных балконах, в лепном сиянии, окружающем среднее овальное окно, — выражено нечто радостное, все приглашает не столько к посту и покаянию, сколько к хвале Господа, к празднованию Его великих благодеяний. Я не уставал все эти подробности разглядывать, и, вероятно, от этого „интимного“ знакомства с чудесным произведением XVIII в. родилось мое восторженное отношение к искусству барокко».

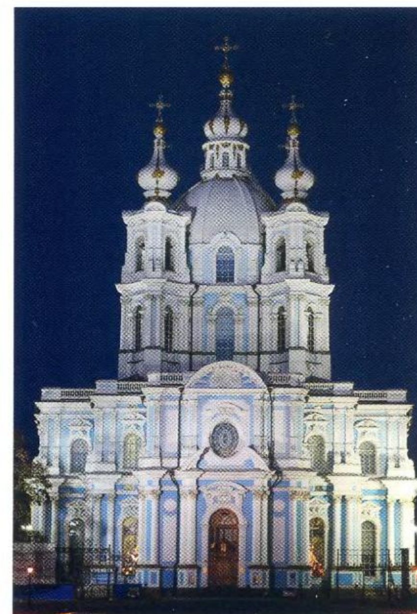
Но, как мы выше уже уточняли, барокко Никольского собора — особое, елизаветинское. И это существенно.

Читатель, возможно, не забыл, что строитель Морского собора призван был высочайшим повелением ориентироваться на Успенский собор Астраханского кремля. Конечно, ориентация эта не означала копирования и касалась в основном лишь пятиглавия. Именно в нем, как мыслилось тогда, заключалась квинтэссенция русско-византийской храмоздательной традиции. Набожная императрица Елизавета Петровна всячески поддерживала распространение этой традиции, угасшей было при ее венценосном отце.

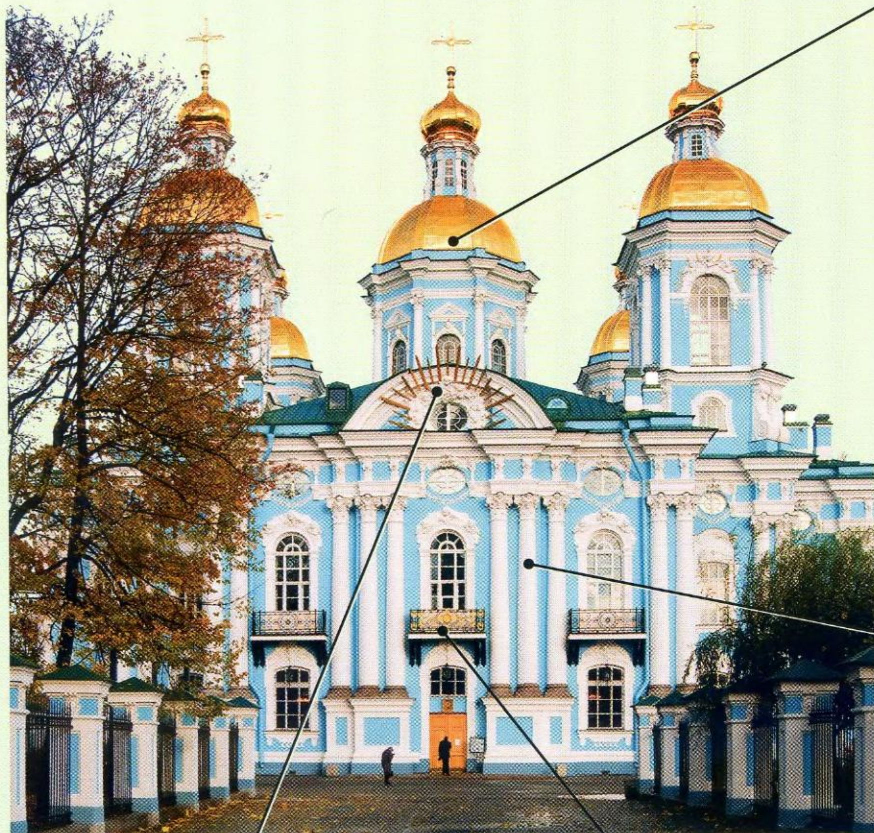
Известно, что она настаивала на пятиглавии и для Спасо-Преображенского собора, который строил П. А. Трезини (на его месте находится сейчас одноименный собор, возведенный уже в XIX веке по проекту В. П. Стасова), и для Князь-Владимирского собора (достроенного уже после ее смерти). Такое же указание она дала и Ф. Б. Растрелли, автору собора Смольного монастыря. «Строить о пяти главах по древнему российскому обычаю», — писала государыня, опираясь в своих эстетических воззрениях главным образом на памятники нарышкинского барокко, импонировавшего ей, помимо прочего, еще и тем, что в его «культивировании» сыграли роль ее не столь давние предки.

Вот в этом-то пятиглавии, перешагнувшем из конца XVII столетия в середину XVIII века, во внимании к «доимперской» традиции и заключается основное отличие елизаветинского барокко от предшествовавшего ему петровского, в сущности своей гораздо более космополитичного.

Собор Воскресенского Смольного монастыря.

Обзорная площадка

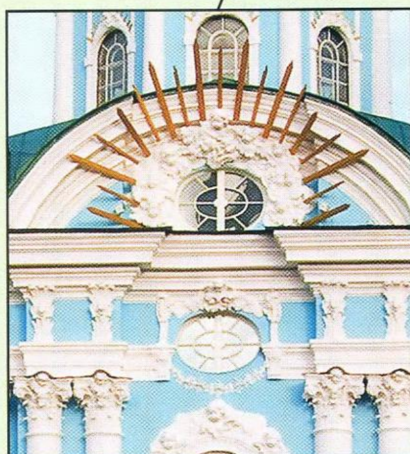
Снова о пятиглавии

Не можем отказать себе в удовольствии и не процитировать еще один отрывок из воспоминаний А. Н. Бенуа, на сей раз — собственно о пятиглавии собора: «Я не мог отделаться от впечатления, что вся эта группа из пяти вышек составляла какую-то семью богатырей, чела коих были украшены шлемами, и что старший из них, стоявший в середине, и есть „сам Боженька“, что на его лице написано скорбно-строгое выражение. Когда я себя чувствовал в чем-либо виноватым, то этот Боженька, казалось, глядел на меня с особой укоризной, а то и с гневом».

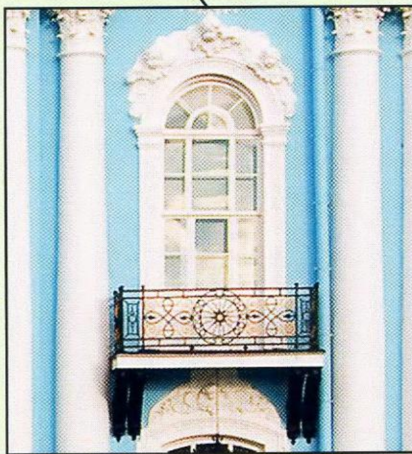
Трехчастный мотив

Группы из трех колонн коринфского ордера, украшающие фасады собора, имеют не только декоративное, но и символическое значение. Коринфский ордер в архитектурных сочинениях нового времени рассматривался как первоордер Соломонова храма. «Утроение» колонн коринфского ордера на фасадах Никольского собора могло также нести дополнительную символическую нагрузку, а именно — напоминать об идее Триединства Божества.

Лепнина

Лепное оформление Никольского собора богато, но не избыточно. Работал над ним лепщик Ф. Партир. Обратите внимание на важную особенность Морского храма: лепнина и колонны выделены белым цветом на голубой плоскости стен. Такое двухцветное решение характерно для стилистики барокко.

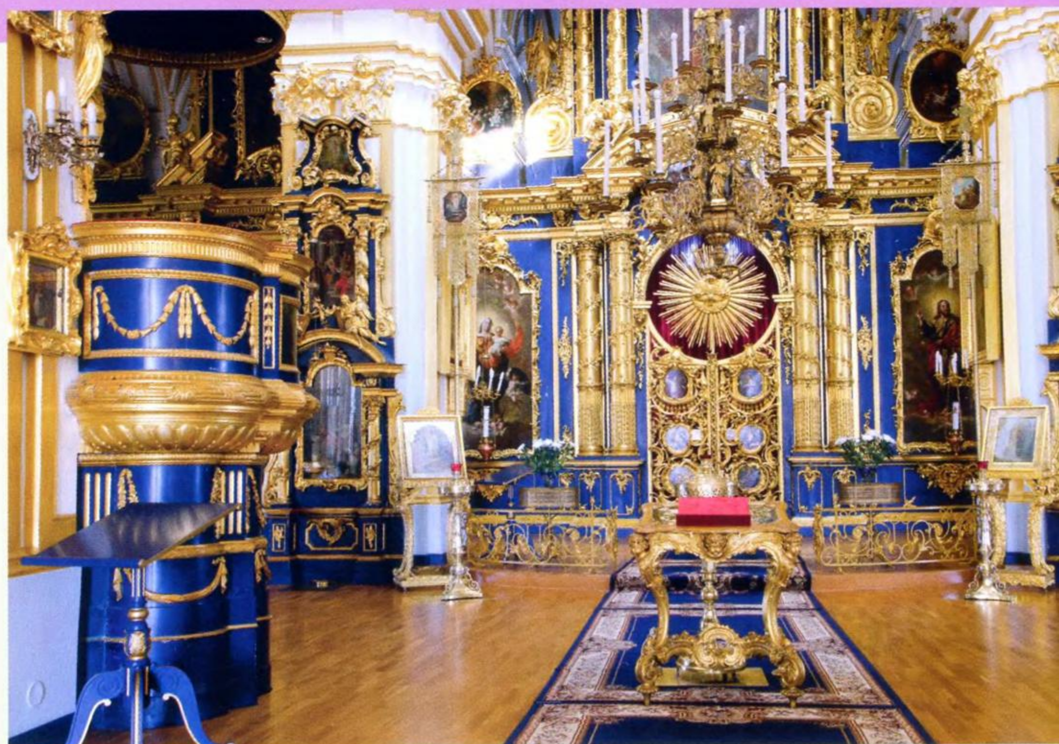
Чугунные балконы

С западной, северной и южной сторон собора устроено по три чугунных балкона. Плиты для них были отлиты на тульском железном заводе купца Родиона Баташева. Каждая из них, как следует из отчетных документов, весит 102 пуда (более полутора тонн).

Николо-Богоявленский
Морской собор
Санкт-Петербург

Внутри

▲ *Светлый и торжественный интерьер верхнего храма. Глубокий синий цвет соответствует «морской тематике».*

ПОСЕТИТЕЛЬ Николо-Богоявленского собора имеет уникальную возможность вообразить себя петербуржцем XVIII столетия. Собор изменился с момента освящения очень мало. Разве что лестницы, идущие из нижнего храма в верхней и ранее бывшие деревянными, теперь каменные. Впрочем, и это изменение воспоследовало уже более ста пятидесяти лет назад.

Особым богатством отличается убранство верхнего, Богоявленского, храма. Иконы для его иконостаса писал Федот Лукич Колокольников и в них ясно прослеживается «державная» тема. В правой части местного ряда иконостаса мы видим образ апостола Петра, в левой — иконы святой Елисаветы, святого Ианнуария (небесный покровитель, по дню рождения, наследника престола Петра Федоровича), святой Екатерины, а также святителей Климента Римского и Петра Александрийского (в день их памяти Елизавета Петровна взошла на престол). Символы государственности — герб Российской империи и вензель Елизаветы I — помещены и в парусах центрального барабана.

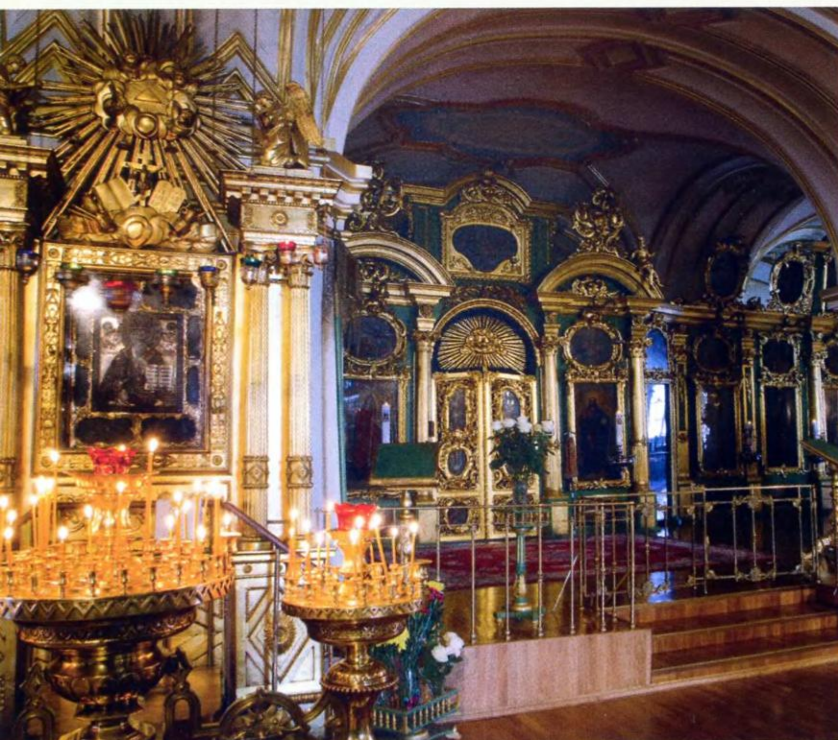
Сама рама иконостаса, выполненная артелью И. Ф. Канаева, прекрасно соответствует пышному экстерьеру собора. Здесь также присутствуют колонны с коринфскими капителями. Они увиты гирляндами растений и смотрятся очень нарядно.

В центре храма, у северного столпа, устроена кафедра, с которой прежде зачитывали торжественные «коммюнике» о победах русского флота. У южного столпа — царское место, обитое малиновым бархатом и украшенное золоченой резьбой.

Нижний храм (во имя святителя Николая Мирликийского) своей сумрачностью более располагает к сосредоточению, нежели к ликованию. Человек, заходя в него с улицы, как бы попадает в пространство, совершенно отрешенное от внешнего мира. Глаза постепенно привыкают к полутьме и начинают «выхватывать» из нее тускло поблескивающую резьбу иконостаса и киотов, лики святых, мерцание лампадных огоньков.

Иконы для иконостаса нижнего храма писал Мина Колокольников, по сюжетам они несколько проще икон, писанных его братом для верхнего храма.

В советское время Никольский храм, несмотря на полную «богослужебную загрузку», находился в запустелом состоянии: даже пол в нем был частью выломан. Уполномоченные по делам религии зорко следили за тем, чтобы «попы не очень-то благоустраивались». В последние годы в соборе провели ремонт, и теперь он встречает богомольцев во всей красе. Архидиакон Патриархов Московских и всея Руси Алексия II и Кирилла Андрей Мазур, в 1960-е годы служивший диаконом в Никольском кафедральном соборе, сказал, увидев храм своей молодости после реставрации: «Мне кажется, собор даже изначально, до революции, таким красивым не был».

◀ *Убранство нижнего храма Никольского собора.*

Пространство православного храма

АНТИМИ́НС (греч. ἀντι — вместо и лат. mensa — стол) — буквально «вместопрестолие». Антиминс представляет собой плат с зашитыми в него частицами мощей, на котором совершается литургия. Обычно антиминс бывает четырехугольным, из шелковой или льняной материи. На современных антиминсах, как правило, изображается положение Господа Иисуса Христа во гроб, а также орудия Его казни и четыре евангелиста. Антиминс освящается архиереем по особому чину.

Происхождение антиминса связано с обычаем совершать литургию на гробницах мучеников, принятым у первых христиан. Впоследствии частицы мощей стали вкладывать в престолы храмов. На случай же, если служить предполагалось там, где нет освященного престола (в неосвященной церкви, дома и т. д.), появились антиминсы.

▶ *Антиминс, представленный в экспозиции Нижегородского церковно-археологического музея. На таких «вместопрестолиях» совершалась Божественная литургия в годы гонений.*

Св. Симеон Солунский писал в XIV веке об антиминсах, что они «делаются из льняной ткани и употребляются вместо священной Трапезы (собственно престола. — *Прим. ред.*)... И на них совершается все, что и на божественной Трапезе. Когда нужно, по усмотрению архиерея, они, полным чином освященные, посылаются в места, где нет престола, и на них совершается божественное священнодействие Таин».

Этой практики — служить на антиминсах там, где нет освященного престола, — придерживались и в Византии, и в Древней Руси. Но у нас Собор 1655 года постановил полагать антиминс даже на освященный престол. Греки же до сих пор соблюдают древнюю традицию.

АПСИ́ДА (греч. ἁψίς — свод) — полукруглый, граненый или прямоугольный выступ в восточной стене храма, где располагается алтарь. Кроме одноапсидных, встречаются трех- и пятиапсидные храмы, при этом апсиды могут быть как равновеликими, так и разными по размеру (центральная — больше/выше боковых). Апсида перекрывается полукуполом или сомкнутым полусводом.

В русское зодчество апсида пришла из Византии. Форма ее почти не претерпела изменений на протяжении веков. А вот декоративное оформление менялось соответственно стилю, господствовавшему в ту или иную эпоху.

Существовали также и местные различия. Например, для псковского зодчества характерны были нарочито простые решения; иногда ни сам четверик, ни апсида не имели вообще никакой «декорации». Иное видим в архитектуре московского узорочья и барокко, где алтарная часть напоминает резную или расписную шкатулку.

▼ *Церковь Покрова и Рождества Богородицы от Пролома в Пскове (памятник XV—XVI веков). Конструкция церкви уникальна тем, что в ней объединены два однопрестольных храма, имеющих одну общую стену. Соответственно, храм имеет и две апсиды.*

▼ *Алтарная часть Строгановской церкви (Нижний Новгород) типична по своей конструкции — три равновысокие апсиды. Своеобразие этих апсид — в богатейшем резном убранстве.*

Коломна и около

Прогулка наша по Коломне пройдет «слегка под знаком» Александра Бенуа. Ибо кому и доверить рассказ о ней, как не человеку, прожившему здесь первую половину своей жизни, а вторую — эмигрантскую — безнадежно тосковавшему по местам детства.

▲ *Коломна. Театральная площадь в 1824 году. Слева — Большой театр, на месте которого сейчас консерватория. Там, где впоследствии будет построен Мариинский театр, еще стоят карусели. Вдалеке виден Николо-Богоявленский собор.*

Никольский Морской собор состоит в ранге главной достопримечательности петербургского района, известного как «Коломна». Строго говоря, Коломна ограничена Крюковым каналом, Мойкой, Пряжкой и Фонтанкой. Но исторически к ней причисляют также Никольскую площадь и улицу Глинки с окружающими ее театрально-музыкальными заведениями.

«Тут все непохоже на другие части Петербурга, — писал о Коломне Гоголь, — тут не столица и не провинция; кажется, слышишь, перейдя в коломенские улицы, как оставляют тебя всякие молодые желанья и порывы. Сюда не заходит будущее, здесь все тишина и отставка, все, что осело от столичного движенья». Конечно, с течением времени все меняется, и магистральные улицы Коломны теперь не так тихи, как прежде. Но стоит свернуть с магистралей — и гоголевские «тишина и отставка» уже не кажутся устаревшими.

Коломной этот некогда окраинный район назвали, по одной версии, из-за первых его жителей — выходцев из подмосковного села Коломенского. Другая версия гласит, что Коломна есть плод искажения слова «колонна» — а именно так Доменико Трезини якобы именовал просеки, проложенные им здесь в 1730-е годы.

Мариинский театр. Белые ночи.

Консерватория, в которой теперь уже не узнать очертаний Большого театра.

Мариинский театр и консерватория

Существующее ныне здание театра построено в 1860 году Альберто Кавосом на месте сгоревшего Театра-цирка. А вообще истоки его бытования уместно искать в 1783 году, когда по приказу Екатерины II был основан Большой театр. Он располагался в здании, впоследствии отданном под консерваторию (о ней речь далее). Торжественное открытие Большого каменного театра на Карусельной площади состоялось 5 октября 1783 года.

Шли годы. Карусельная площадь сменила название, став Театральной. Большой театр менял свой облик — один раз по велению императора, другой раз из-за пожара. В нем нарождалась русская опера: премьеры «Жизни за царя» (1836) и «Руслана и Людмилы» (1842) М.И. Глинки проходили именно здесь. Но с открытием Мариинского театра (названного так в честь Марии Александровны, супруги Александра II) Большой как бы «растворился» в нем, перенеся на его сцену весь свой репертуар. И в 1880—1890-е годы его, частично разобрав, перестроили и передали консерватории, которая, действительно, нуждалась в улучшении «жилищных условий».

Коломенский старожил А.Н. Бенуа так вспоминал об этих зданиях (Большой театр он, рожденный в 1870 году, помнил еще до перестройки): «В смысле внешней архитектуры я предпочитал Большой театр Мариинскому. Уж очень внушителен был его портик с толстенными ионическими колоннами, под который подъезжали кареты, высаживавшие публику у дверей в театр. Остальная грандиозная масса этого здания представлялась мне каким-то вместилищем таинственных чудес. Характеру чудесного способствовал ряд круглых окон, тянувшихся во всю длину крыши, и даже та уродливая толстая несуразная железная труба с капюшоном поверх, которая как-то ассиметрично сбоку возвышалась над зданием, обслуживая нужды вентиляции. У Мариинского театра вид был более скромный и менее внушительный, однако до того момента, когда его изуродовали посредством пристроек и надстроек (это произошло в конце 1870-х годов. — *Прим. ред.*), и он являл изящное и благородное целое... Известной грандиозностью отличался театр со стороны Крюкова канала, в который упиралась его задняя стена. Отражаясь в летние сумерки в водах канала, силуэт его положительно напоминал какое-либо античное сооружение».

Добавим здесь, что и Мариинский, и Большой театр Бенуа воспринимал «по-домашнему», ибо Мариинский был построен его дедом в соавторстве с отцом, и тот же дед («папа моей мамы») перестраивал после пожара 1836 года Большой.

В Театральном сквере по обеим сторонам консерватории можно видеть памятники двум «знаковым» для отечественного музыкального искусства композиторам — Михаилу Ивановичу Глинке, чья оперная слава как раз и начиналась в этих краях, и Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову, отцу русской композиторской школы, многолетнему преподавателю консерватории. Первый памятник был открыт в 1906 году (установлен на нынешнее место в 1925-м), второй — почти полувеком позже, в 1952 году.

Памятник М.И. Глинке появился в Петербурге к 70-летию первой постановки оперы «Жизнь за царя».

Памятник Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову — приобретение советского времени.

▲ *Дом Бенуа на улице Глинки.*

«Дом Бенуа, что у Николы Морского»

Между Никольским собором и Театральной площадью по улице Глинки, 15 (до 1892 года улица именовалась Никольской) находится дом, известный как «дом семьи Бенуа». Здесь жили несколько поколений этого «высокохудожественного» семейства, в том числе и Зинаида Серебрякова, приходившаяся нашему сегодняшнему спутнику Александру Бенуа племянницей.

Дом был приобретен дедом А. Н. Бенуа и к тому моменту имел три этажа. «К сожалению, — вспоминал Александр Бенуа, — папа, которому дом достался в наследство, пожелав увеличить его доходность, надстроил еще один этаж, и это обезличило фасад... Зато сохранились в целости прелестные маски над окнами нижнего этажа...»

И маски, и четкую границу между исконным третьим и надстроенным четвертым этажами можно видеть по сей день.

Офицерская

Ныне эта улица носит собирательное имя — Декабристов, и пройти по ней имеет смысл тем, кто любит непарадный Петербург и склонен элегически поскорбеть об архитектурных утратах. Серьезных утрат на улице Декабристов две — Литовский рынок и Литовский замок. Оба комплекса зданий были построены еще в конце XVIII века, и оба не дожили до середины прошлого столетия. Обратимся к мемуарам Александра Бенуа, хорошо запомнившего и рынок, и замок: «Архитектурной красоты оба здания, обслуживавшие самые прозаические нужды, не были лишены. Рынок, построенный в конце XVIII в., представлял собою обширное целое, выходящее на четыре улицы одинаковыми фасадами, состоящими из массивных арок и ниш с этажом полукруглых окон над ними, а тюрьма, перестроенная на ампирный фасон из сооруженного при Екатерине „турецкого“ семибашенного замка (также выходившего на четыре улицы), состояла из гладких голых стен, соединенных кургузыми необычайной толщины круглыми башнями... На меня, ребенка, Литовский замок производил одновременно как

◄ *Улица Декабристов почти всегда пустынна.*

▼ *Памятная доска на доме, где жил Александр Блок.*

▲ *Вид на Юсуповский дворец с Мойки.*

устрашающее, так и притягивающее впечатление…»

Дойдя по улице Декабристов почти до самого конца, вы обнаружите на доме 57 табличку, сообщающую о том, что здесь в 1912—1921 годах жил поэт Александр Блок. Сейчас его квартире на четвертом этаже придан мемориальный характер, а на втором этаже представлена литературная экспозиция.

Юсуповский дворец

Дворец князей Юсуповых (набережная Мойки, 94) принадлежит к наиболее известным «дворянским гнездам» Санкт-Петербурга. Известности ему прибавляет некоторая таинственность, окружающая его в связи с убийством Григория Распутина.

Впрочем, обо всем по порядку.

В начале XVIII века Петр I подарил участок, на котором ныне стоит Юсуповский дворец, царице Прасковье, вдове своего брата Иоанна. С царицей Прасковьей самодержца связывали самые теплые родственные отношения; он лично пригласил ее переехать в Петербург и стремился обставить ее жизнь здесь с комфортом.

Не прошло, однако, двадцати лет, как участок вновь поступил в казну, а затем долгие годы переходил из рук в руки, пока в 1830-е годы не был куплен (уже с особняком, возведенным по проекту Ж. Б. Вален-Деламота) Юсуповыми. Отныне им владели несколько поколений этого аристократического семейства. Усадьба и дворец претерпевали на протяжении десятилетий изменения, а в начале XX века Юсуповы модернизировали свое жилище в соответствии с новейшими требованиями комфорта — провели электричество, водопровод, канализацию, устроили водяное отопление.

В это время дворцом владел блестящий отпрыск блестящего рода — Феликс Феликсович Юсупов (1887—1967), женатый на племяннице Николая II Ирине Александровне. В историю он вошел как один из организаторов убийства Григория Распутина. Дворец же его стал, как мы «проговорились» в начале статьи, декорацией к этому драматическому событию, случившемуся в ночь на 17 декабря 1916 года.

Версий о том, как именно происходило «историческое» убийство, существует множество. Наиболее распространенная из них гласит, что заговорщики (собственно Юсупов, великий князь Дмитрий Павлович и депутат Государственной думы В. М. Пуришкевич) пригласили Распутина под предлогом угощения в подвал дворца. Пирог, поданный «сибирскому хлысту», был начинен цианистым калием, но яд не подействовал в должной мере, нейтрализованный или сахаром, или высокой температурой.

В итоге заговорщики расстреляли Распутина из револьверов. На следствии они показывали, что он очень долго оставался жив, и поэтому они решили «дополнительно утопить» его в Неве. Тем не менее судмедэксперт, обследовавший труп Распутина, вытащенный из воды, констатировал, что в воду его бросили «уже мёртвым».

После революции во дворце Юсуповых размещались шведское и немецкое консульство, а затем — Дом учителя. Сейчас дворец открыт для посетителей.

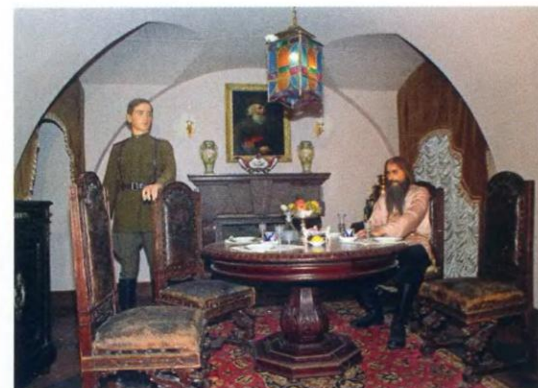

▲ *Парадная лестница во дворце.*

▼ *Красная гостиная особняка Юсуповых. Паркет в ней набран из восьми ценных пород тропических деревьев.*

▼ *Историческая экспозиция в подвале дворца включает в себя восковые фигуры Феликса Юсупова и Григория Распутина.*

Наиболее известный фрагмент архитектурного комплекса Новой Голландии — арка, построенная в 1779—1787 годах по проекту Ж.-Б. Валлен-Деламота.

Новая Голландия теперь открыта для публики.

Новая Голландия

Мы покидаем пределы Коломны. Перейдя Мойку по Поцелуеву мосту (кстати, происхождение этого названия весьма прозаично: близ моста во время оно держал питейный дом купец третьей гильдии Никифор Поцелуев), мы идем по набережной Крюкова канала в сторону Невы. За спиной остается величественный шпиль колокольни Никольского Морского собора, а по левую руку, на другом берегу канала, вырастает архитектурный ландшафт, равного которому нет ни в одном городе России. Мы разумеем Новую Голландию.

Этот искусственный остров, ограниченный Мойкой, Крюковым и Адмиралтейским каналами, появился в 1717 году. На нем любил отдыхать Петр I, построивший здесь для себя деревянный дворец. Местность отчего-то казалась ему похожей на Голландию, и с его легкой руки название это прижилось на века.

Но знаменита Новая Голландия не деревянным дворцом Петра Великого (конечно, не сохранившимся), а комплексом индустриальных зданий в духе раннего классицизма, строившимся во второй половине XVIII века. В разработке и реализации проекта складских помещений (в них держали лес для постройки кораблей) принимали участие несколько архитекторов. Среди них — уже знакомый нам С. И. Чевакинский, предложивший хранить лес по «голландской» технологии, то есть стоймя с небольшим наклоном, что позволяло сэкономить пространство и отчасти решить проблему гниения бревен. Окончательное оформление комплекса принадлежит Ж. Б. Валлен-Деламоту, работы велись с 1765 года под руководством инженера И. Герарда, а с 1780 года их возглавлял архитектор М. Н. Ветошников.

В XIX веке ансамбль перестраивался и расширялся, приобретая в том числе новые функции. Так, в 1828 году на территории Новой Голландии (на стрелке Мойки и Адмиралтейского канала) архитектор А. Е. Штауберт возвел Морскую тюрьму. Сам он называл это здание, круглое в плане, «башней», а в народе за ним закрепилось прозвище «бутылка». Существующая городская легенда гласит, что именно отсюда произошло выражение «лезть в бутылку» (напрашиваться на неприятности), однако мы советуем отнестись к ней с осторожностью.

В советское время остров принадлежал военному ведомству, и доступ на него был закрыт. В 2011 году, после масштабной реконструкции, в ходе которой, как водится, не обошлось без архитектурных потерь, Новая Голландия открылась для посетителей.

Николаевский дворец

Набережная Крюкова канала выводит нас к площади Труда (бывшей Благовещенской). Доминирующее положение на ней занимает дворец, выстроенный в 1853—1861 годах архитектором А. И. Штакеншнейдером для великого князя Николая Николаевича Старшего. После смерти в 1894 году первого владельца дворец был выкуплен в казну, и в нем открылся так называемый Ксенинский (Ксениинский) институт для осиро-

тевших полностью или частично девочек дворянского происхождения. При этом на казенный счет принимали только дочерей «служилых» дворян — потомственных или личных.

«Ксенинским» институт поименовали в ознаменование бракосочетания дочери Александра III Ксении Александровны с великим князем Александром Михайловичем, состоявшегося 25 июля 1894 года.

Девочки учились (и жили) в институте с восьми лет. Продолжительность общего обучения составляла семь лет, затем еще три года занимал специальный курс, доставлявший институткам «сведения, которые делают женщину полезной в собственной семье или дают не осчастливленным семейной жизнью честный заработок».

После революции здание Ксенинского института отошло к профсоюзным организациям и стало называться Домом труда.

▲ *Николаевский дворец (Ксенинский институт) на старой почтовой открытке.*

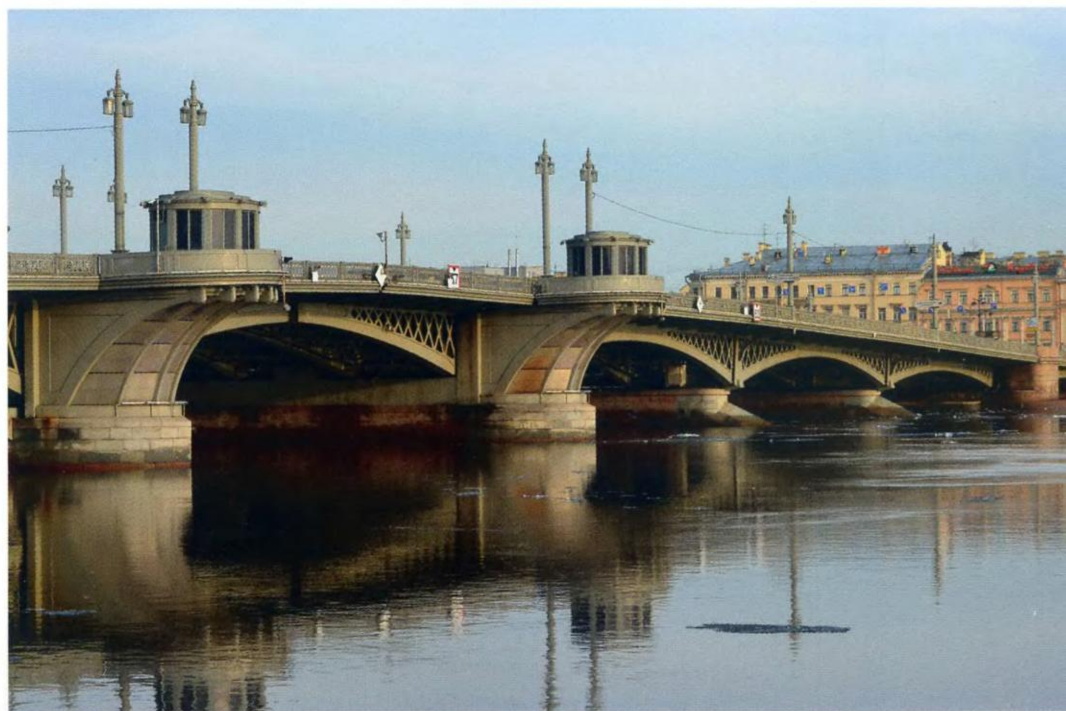
◥ *Второй этаж вестибюля Николаевского дворца.*

Благовещенский мост

Рядом с Николаевским дворцом находится Благовещенский мост — первый постоянный мост через Неву. Раньше здесь каждую весну наводили плашкоутный мост, а в 1843—1850 годах по проекту инженера С. В. Кербедза был построен ныне существующий. Он имеет восемь пролетов, причем пролет у правого берега сразу сконструировали разводным, что явилось новым словом для своего времени.

Интересны перила моста, выполненные по проекту А. П. Брюллова. Они украшены символами водной стихии — гиппокампами (мифологическими морскими конями с рыбьими хвостами), трезубцами Нептуна и раковинами.

В 1855 году, после смерти Николая I, мост переименовали в Николаевский. В советские годы он носил имя лейтенанта Шмидта, а в 2007 году ему вернули первоначальное название.

▶ *Первый постоянный мост через Неву — Благовещенский.*

Митрополит-блокадник

В продолжение 900 дней блокады вместе со своей ленинградской паствой оставался митрополит Алексий (Симанский), будущий Патриарх. Жил он прямо в Никольском Морском соборе, который был тогда кафедральным.

Служение Патриарха Алексия I. 1945 год.

В июне 1941 года митрополит Ленинградский Алексий (Симанский; 1877—1970) избрал своей резиденцией Николо-Богоявленский Морской собор, переехав сюда из Князь-Владимирского собора.

Впрочем, «резиденция», «избрал», «архиерейские покои» — все это слова не из лексикона того времени. Во Владимирском соборе архипастырь жил на колокольне, а Морской мог предложить ему лишь самое скромное помещение на хорах.

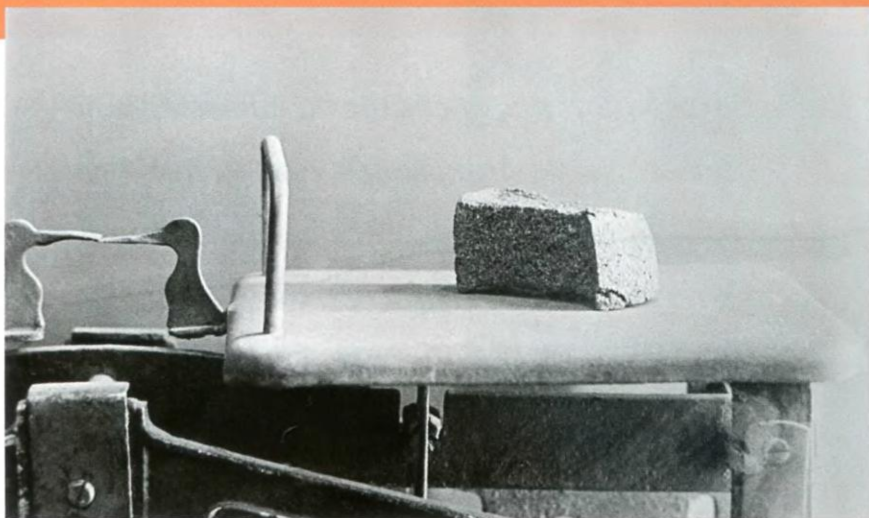
Нужно отметить, что митрополит Алексий, несмотря на свое аристократическое происхождение, умел довольствоваться самыми спартанскими условиями. Не всегда он был прост в личных отношениях, мемуаристы вспоминают о его «барственности» — причем понятие это приобретает в разных воспоминаниях разные оттенки. Но того, что он мог, говоря словами Ахматовой, «быть с моим народом там, где мой народ, к несчастью, был», — вот этого от него не отнять.

Царь Голод

Никольский собор к началу 1940-х годов был одним из восьми действующих храмов Ленинграда, а служили в нем пять из остававшихся на свободе двадцати ленинградских священников. Так «позаботилась» власть об уменьшении епархии, некогда одной из крупнейших в России по числу храмов.

Тем не менее уже с 23 июня 1941 года немногие выжившие питерские храмы начали, по благословению митрополита Алексия, сбор пожертвований в Фонд обороны и в советский Красный Крест. Община самого Никольского собора собрала в первые месяцы войны 355 тысяч рублей на раненых, а к середине января 1942 года — еще 60 тысяч.

Зима 1941—1942 годов стала, пожалуй, самым тяжелым периодом блокады. Рабочие получали по карточкам 250 граммов хлеба в сутки, служащие, иждивенцы и де-

▲ *Блокадные 125 граммов хлеба — дневной паек детей, служащих и иждивенцев. На Пасху 1942 года именно такие кусочки служили «куличами» верующим ленинградцам. А еще эта Пасха была памятна им ожесточенной бомбардировкой, которой фашисты подвергли город именно в ночь с субботы на воскресенье.*

ти — 125 граммов. При этом хлеб наполовину состоял из малосъедобных примесей. Жители города массово умирали от голода — все это мы знаем из страшной и героической истории тех 900 дней.

Беспощадный «царь Голод» казнил и прихожан Никольского собора. Кто-то еще вчера вечером стоял за всенощной, а сегодня утром уже не смог прийти на литургию. Беда еще в том, что передвижения по городу представляли для ослабленных голодом ленинградцев непосильный подвиг. Транспорт не работал, ходить всюду приходилось пешком. Люди падали замертво на улицах.

Хор Николо-Богоявленского собора сократился к январю 1942 года с 34-х до 15 человек. Прямо за богослужением умер регент. Не пережил той зимы и келейник митрополита Алексия инок Евлогий.

Бедствия голода усугублялись еще необычайными морозами. Собор не отапливался, и в нем было так холодно, что масло замерзало в лампадах.

«Мы твердо верим...»

Митрополит Алексий, как мог, поддерживал свою паству. Двери его квартиры всегда были открыты для всех, кто нуждался в нем.

Но главная его заслуга состоит в том, что в тяжелейших условиях блокады он сумел организовать беспрерывное совершение богослужений, добившись, чтобы власти обеспечивали храмы вином и мукой, без которых не может быть литургии. В Никольском соборе служили ежедневно. Кроме того, регулярно служился особый молебен «В нашествие супостатов, певаемый в Отечественную войну».

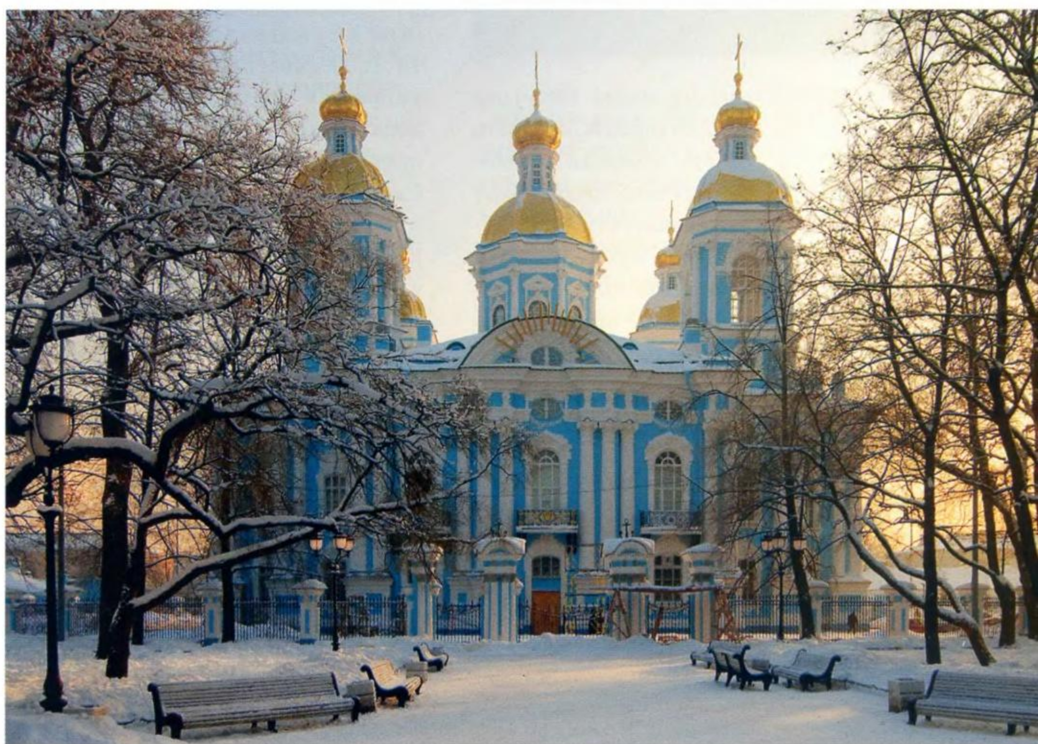
Митрополит и сам часто совершал литургию (причем иерейским чином), отпевал умерших, являя пример стойкости и мужества во Христе.

«Наш град, — писал митрополит Алексий в Пасхальном послании 1942 года, — находится в особенно трудных условиях, но мы твердо верим, что его хранит и сохранит покров Матери Божией и небесное предстательство его покровителя св. Александра Невского». И владыка действительно ободрял людей своей твердой верой. Он не страшился сам, и другим рядом с ним было не страшно.

Не испугался митрополит даже тогда, когда в 1943 году в стену его «квартиры» в Никольском соборе попал снаряд. Войдя в алтарь, он показал причту осколки со словами: «Видите, и близ меня пролетела смерть. Только, пожалуйста, не надо этот факт распространять. Вообще, об обстрелах надо меньше говорить... Скоро все это кончится. Терпеть недолго осталось».

Оставалось действительно не так долго. Но еще до того, как была полностью снята блокада, 11 октября 1943 года, 12 ленинградских священнослужителей — и в их числе митрополита Алексия — наградили (впервые за годы советской власти) медалью «За оборону Ленинграда».

▼ *Николо-Богоявленский собор зимой. Мороз в Петербурге всегда переносится тяжело из-за высокой влажности воздуха, а зима 1941—1942 годов была особенно длинной и холодной (среднемесячная температура января составила –18,7 °C при норме –8,3 °C).*

На смерть поэта

Более пяти тысяч человек, по воспоминаниям современников, пришли в Никольский собор, чтобы проститься с Ахматовой и присутствовать при ее отпевании. Литературовед Л. Я. Гинзбург, бывшая там, случайно услышала разговор церковных старушек: «Какая женщина была, всех в церковь привела за собой: и молодых, и старых, и евреев».

Анна Ахматова за два года до смерти.

Десятого марта 1966 года в Никольском Морском соборе отпевали великого русского поэта Анну Андреевну Ахматову.

Здесь неуместно говорить о ее «церковности» или «нецерковности», о том, «как» и «насколько» веровала она. Безусловно, Ахматова принадлежала к христианской — к православной — культуре, и, ощущая эту принадлежность как дар и как крест, не однажды декларировала ее и в стихах, и в человеческом бытовании.

Кого когда-то называли люди
Царем в насмешку, Богом в самом деле,
Кто был убит — и чье орудье пытки
Согрето теплотой моей груди...

Это написала она. И действительно, врач, констатировавший смерть, вспоминал, что на груди у Ахматовой был большой нательный крест. Уже остывший... А накануне, 4 марта, она просила передать ей в санаторий Новый Завет.

Бездомная смерть

Смерть Ахматовой, как и жизнь ее, была вполне безбытной (помните евангельское: «Сын же Человеческий не имать где главу подклонити»?). В санаториях «не принято» умирать, и тело Ахматовой в тот же день спешно и чуть ли не тайно препроводили в морг больницы имени Склифосовского.

«Умерла великая русская женщина... — с горечью писала в дневнике Л. К. Чуковская, автор «Записок об Анне Ахматовой». — Но ей всегда и все поперек, в смерти отражена ее бездомность (умерла не дома, в разлуке и разрыве с Левой (сын Л. Н. Гумилев. — *Прим. ред.*)); умерла в день смерти усатого убийцы (имеется в виду Сталин. — *Прим. ред.*); умерла накануне „женского дня“. Из-за этого — или под предлогом этого? — в ЦДЛ не будет панихиды; 9-го из морга у Склифосовского перевезут тело на аэродром и отправят в Ленинград».

Но Москва все же проводила Ахматову — и молитвенно, и дружески. На 7 марта пианистка М. В. Юдина заказала панихиду по «новопреставленной рабе Божией Анне» в церкви Николы в Кузнецах, прихожанкой которой была. Тем же вечером ближайшие друзья и почитатели собрались у поэтессы М. С. Петровых. А 9 марта, перед самым отправлением тела Ахматовой в Ленинград, в больнице Склифосовского стихийно организовалось некое подобие траурного митинга.

▲ *Никольский Морской собор в 1966 году.*

«Я ДОЛЖЕН ПРЕДАТЬ ЕЕ ЗЕМЛЕ...»

В Ленинграде тем временем хлопотали об отпевании и погребении. Сын Анны Андреевны Л. Н. Гумилев (сын и мать не общались несколько лет, оба терзались этим разладом, но, как часто бывает в жизни, так и не успели примириться — доброжелатели не пустили Гумилева в больницу, чтобы «не волновать» Ахматову) договорился о том, что отпевание состоится в Николо-Богоявленском Морском соборе. Он же, будучи глубоко верующим человеком, позаботился, чтобы священник проводил гроб матери до могилы.

Л. Пантелеев писал годы спустя:

«С горькой радостью вспоминаю, как нес к могиле ее (Ахматовой. — *Прим. ред.*) гроб. Помню лица толпившихся у ямы. Ближе к яме всё больше члены партии, атеисты. От ленинградского Союза писателей выступал с прощальным словом почему-то Ниссон Ходза... Из Москвы приехал неприлично веселый, развязный, бодрый Михалков. Жаловался, что легко оделся, думал — весна. Вижу в толпе — Ник. Григорьева, А. Бейлина, Петра Капицу... Но перед гробом несли большой деревянный крест, шел с кадилом молодой маленький сердитый батюшка из Никольского собора. Запах табака перебивал запах ладана. Когда гроб поставили, открыли, началась давка, и кто-то крикнул:

— Сделайте проход! Дайте проститься друзьям и почитателям.

— Нет, — твердо и громко сказал маленький священник в серебряной ризе, — прежде чем пойдут прощаться друзья и почитатели, я должен предать ее земле.

И стал совершать то, чего много лет не видело и не слышало старое Келломякское кладбище...»

С кладбищем, к слову, все обстояло не так просто. На Литераторских мостках или ином «престижном» кладбище полуопальную Ахматову хоронить «не санкционировали». И близкие решили погрести ее в Комарове (Келломяках), дачном поселке на берегу Финского залива, где Анна Андреевна живала летами.

◀ *Похороны Ахматовой в Комарове. Стоят у гроба: слева — Евгений Рейн, справа — Иосиф Бродский.*

БЕЛЫЕ РИЗЫ

Но все-таки об отпевании. Как узнавали люди о том, что оно состоится? Официальные источники известили только о гражданской панихиде в Доме писателей. Тем не менее собор был переполнен. Почти все из тех, кто пришел, не были «практикующими» христианами. Многие вообще не были крещеными. Но, кажется, строгий и утешительный обряд в тот день никого не оставил равнодушным, чуждым.

Протодиакон Петр Колосов, участвовавший в отпевании, вспоминал: «Когда в тот день подходил к собору, смотрю — вокруг большое скопление машин и автобусов, даже с киностудии приехали. Вообще-то без специального разрешения в храме снимать нельзя, но распорядитель церемонии отец Василий сказал, чтобы мы не обращали внимания. Раньше мне Анну Андреевну видеть не доводилось, разве что на фотографиях — хрупкой, худенькой женщиной. А когда открыли гроб... Я увидел пожилую женщину. Я увидел величественную женщину. И это поразило меня». И он же: «Как раз в тот день нам принесли новые белые ризы, очень торжественные и красивые. Такое вот получилось совпадение...»

Шла третья седмица Великого поста.

«Не в бревнах, а в ребрах...»

Никольский собор занимает «активную жизненную позицию». Прекрасный памятник барокко, сохранивший интерьеры елизаветинско-екатерининской эпохи, он тем не менее не почивает на лаврах собственной художественно-исторической значимости, а стремится как можно больше потрудиться для Бога и людей.

Когда мы говорим о том, что Николо-Богоявленский собор (или какой-то другой храм) благополучно пережил советскую эпоху, мы имеем в виду, что устояли его стены, что сохранились не вовсе ободранными его «внутренности», что в нем, наконец, совершалась Божественная литургия. Литургия, Евхаристия — это действительно то главное, ради чего изначально существует Церковь. Но Евхаристия тесно связана с понятием Церкви не как здания, а как «собрания народа Божия» (или, как говаривали прежде — «не в бревнах, а в ребрах»). А вот народ-то как раз на протяжении нескольких десятилетий и отучали быть Божьим. Сначала отучали, а уже отученному препятствовали опомниться и вновь «собраться в Церковь».

Деятельность немногочисленных открытых храмов находилась под надзором уполномоченных по делам религии, недреманным оком углядывавших все «нарушения», которые позволял себе «служитель культа» или какой-нибудь излишне «резвый» прихожанин. Катехизация, беседы с прихожанами, социальная работа за пределами храма — все находилось под запретом. Даже «благотворить» разрешалось только через пресловутый Фонд мира. Даже проповеди батюшка должен был согласовывать с уполномоченным. В общем, сам себе могилу рой, да еще отчитывайся — насколько успешно копаешь. Из отчетов священников Никольского собора вырисовывается печальная (для нас, а для уполномоченных — напротив) картина: подавляющее большинство прихожан в советские годы составляли женщины от сорока пяти лет, мужчин было около 10 %, молодежи — не было и 1%.

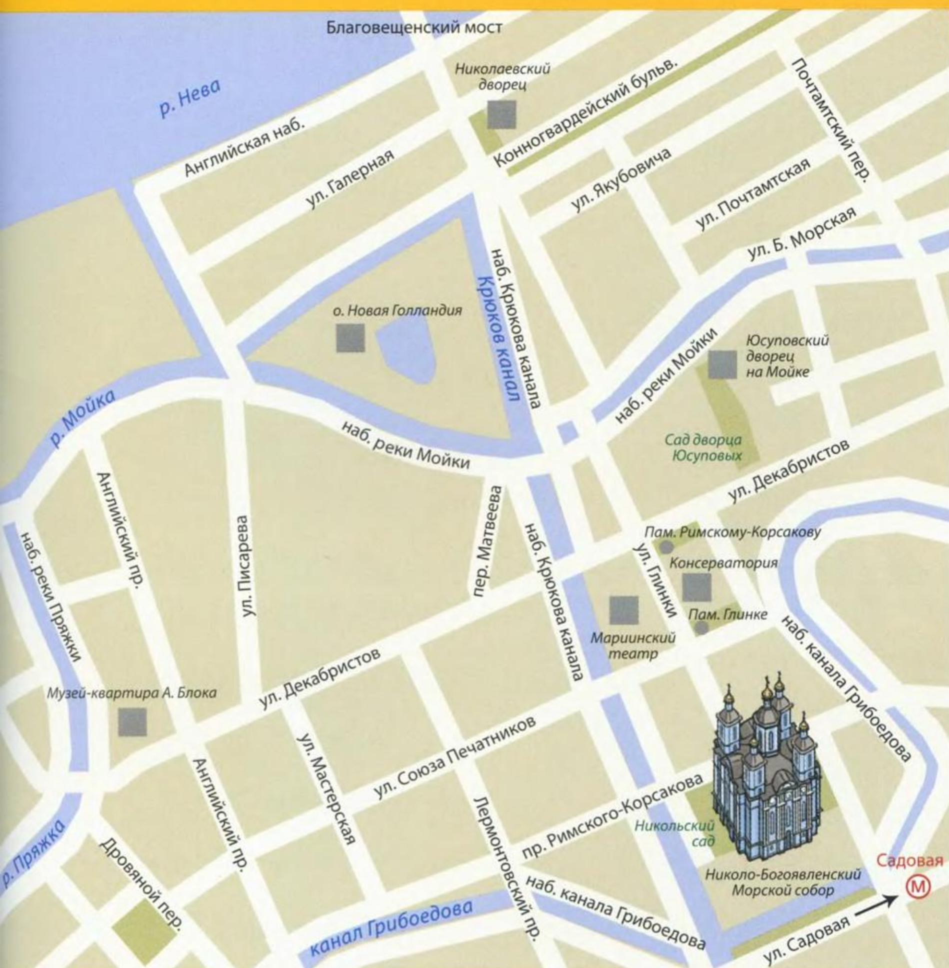
По-настоящему выйти из гетто Церковь смогла лишь в конце 1980-х годов. И оказалось, что множество людей тосковало об этом выходе. В Никольском соборе ежедневно

▼ *Маленькая причастница.*

▼ *Патриаршее богослужение в рамках празднования 250-летия Николо-Богоявленского собора. 2012 год. Самого Патриарха на этой фотографии, правда, почти не видно. Но зато видно, сколько людей собралось помолиться вместе в этот день.*

крестилось несколько десятков человек, число прихожан резко возросло. Для Церкви открылась возможность духовно-просветительской деятельности — и собор не преминул ею воспользоваться. Протоиерей Богдан Сойко, ставший его настоятелем в 1987 году, вспоминает: «Акафисты святителю Николаю неизменно совершались при большом скоплении народа. Я понял, что одной проповеди, которую священник говорил в среду, недостаточно и в познавательном, и в воспитательном плане, и по субботам, до начала Всенощного бдения, стал проводить беседы. Во время этих бесед мы прошли все Священное Писание, часто один стих занимал целый час. Поначалу приходило от 50 до 100 человек, потом уже — до 500. Беседы проходили в верхнем храме, люди стояли. Приходили и ученые, и люди совсем простые, студенты, дети».

А в 1989 году при Никольском соборе уже открылась полноценная воскресная школа, существующая по сей день. В ней есть и детские, и взрослые занятия. Настоятель и другие клирики собора осознают просветительскую задачу, стоящую перед ними, как одну из важнейших. Да, ремонт — это важно, и в последние годы собор очень украсился, но не важнее ли помочь людям, входящим в эти прекрасные стены, полнее участвовать в церковной жизни, понять красоту и правду православного богослужения?

Увы, большинство из нас, «верных», по уровню своей богословской образованности так и остается «оглашенными» (скорее даже — недооглашенными). Смысл происходящего в храме ускользает от нас, мы довольствуемся околоцерковными суевериями, беспокоимся о том, к какой иконе и «от чего» поставить свечку, тогда как подлинное православное христианство — вообще «про другое». Никольский собор многое делает для того, чтобы помочь людям воцерковиться в полном смысле этого слова. В частности, в храме ежедневно присутствует дежурный священник, готовый ответить на любые вопросы, возникшие у зашедшего — пусть даже «нечаянно» — человека.

Справочная информация

Собор открыт ежедневно, с 6:30 до 22:00. Самое раннее утреннее богослужение начинается в 7:00, вечернее богослужение — в 18:00. Если день позволяет совершать литургию, то ранняя бывает в 7:00, поздняя — в 10:00. В 6:40 и в 9:30 — исповедь. Акафисты (в 18:00) служатся: по воскресным дням — Иисусу Сладчайшему и Божией Матери попеременно, по средам — свт. Николаю, по четвергам (кроме дней предпразднеств и попразднеств) — свт. Феодосию Черниговскому и свт. Димитрию Ростовскому попеременно. Каждый день (кроме особых случаев) в 14:00 и в 16:00 совершается Таинство крещения.

Контакты

Адрес: 190068, Россия, Санкт-Петербург, Никольская пл., д. 1/3
Телефон: +7 (812) 714-08-62 (свечной ящик)
Официальный сайт: www.nikolskiysobor.ru

Как добраться

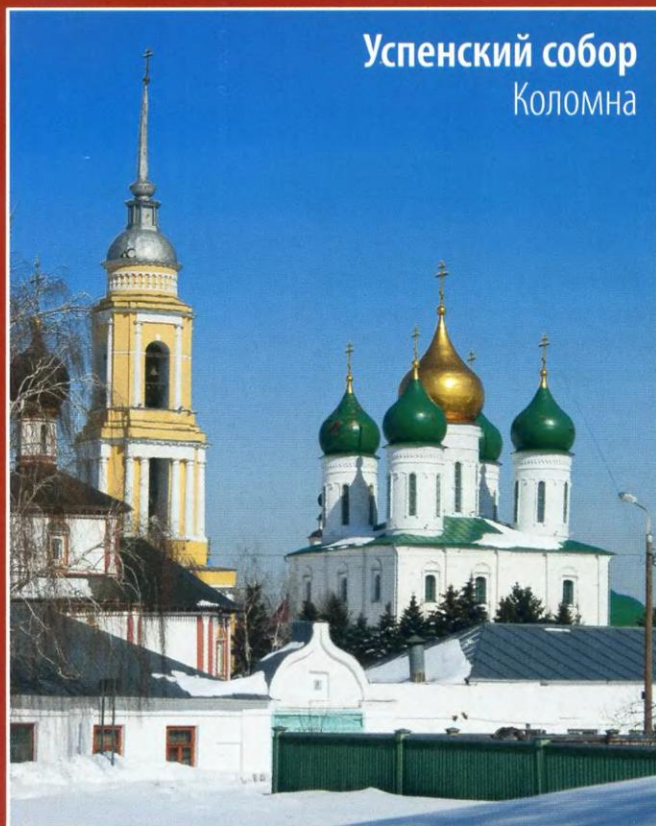
Ближайшая к Николо-Богоявленскому собору станция метрополитена — «Садовая». Выйдя из нее, нужно идти по Садовой улице до Ново-Никольского моста. А можно свернуть с Садовой на проспект Римского-Корсакова и подойти к Никольскому собору со стороны Харламова моста.

▲ *Атомная подводная лодка «Курск». Снимок 1999 года. В новейшее время собор вернул себе свое исконное право участвовать в военно-морской жизни страны — и не только в радостях этой жизни, но и в горестях. Так, ежегодно в день гибели «Курска» в соборе совершаются панихиды.*

НЕ ПРОПУСТИТЕ СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР!

Успенский собор, Коломна

Успенский собор, ныне существующий в Коломне, построен в конце XVII века, но он является преемником гораздо более древнего храма, возведенного на этом месте Дмитрием Донским на рубеже 1370—1380-х годов, когда Русь впервые осознала, что может успешно сопротивляться монголо-татарам и побеждать врага, ранее казавшегося непобедимым.

В ПРОДАЖЕ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ!

16+